

Ю. ДЕНИСОВ и А. ИШИМОВ

«ПРИГОВОРЁННЫЕ К МАРСУ!»

НАИОСТРЕЙШАЯ, ПОКА ЗЕМНАЯ, ПОКА ЛИТЕРАТУРА!!
ПОКА...

Юрий Денисов

Приговорённые к Марсу том 1

«Автор»

2026

Денисов Ю.

Приговорённые к Марсу том 1 / Ю. Денисов — «Автор», 2026

Эта книга настолько интересна и увлекательна, что после её прочтения понадобится определённое время, чтобы остыть, успокоиться и осмыслить! А негативное в ней, это то, что после неё очень сложно начинать читать что либо другое. Да будет эта книга одной из лучших и для вас! Авторы.

© Денисов Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Синописис:	5
«ПРИГОВОРЁННЫЕ К МАРСУ»	6
ГЛАВА — 1	7
ГЛАВА — 2	12
ГЛАВА — 3.	21
ГЛАВА 6.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Ишимов, Юрий Денисов

Приговорённые к Марсу том 1

Синописис:

«Приговоренные к марсу» - это необыкновенно остросюжетная история, которая могла произойти на рубеже 1950-х – 1960-х годов, когда заключенные волею судеб оказались в особо засекреченной команде «Марсонавтов», готовых вот, вот вырваться за пределы земли.

Удивительный, приключенческий, возможно роман, интересен не только потрясающими трагикомическими историями животных, которые вынуждены были согласиться сопровождать разношерстный коллектив до красной планеты.

Рецензия от производителя:

Это литературно-художественное произведение возможно местами не совсем достоверно, но авторам оно виделось так!

Философия, юмор, захватывающие приключения, экскурсии в далекую древность свежи новизной и правдивостью, в чём (только) авторы безусловно не сомневаются!

Поверьте, это очень интересно!

Приятного Вам путешествия.

Ю. Денисов и А. Ишимов

«ПРИГОВОРЁННЫЕ К МАРСУ»

«За каждое преступление никого не минует расплата»

- Я был там, где в сумраке мечутся тени, ища спасения в мире грёз и заблуждений!

- Я был там, где сияет свет для слепых, где сама тишина застыла в крике для немых, где поют гимны для глухих...!

- Я был там, где глубина мыслей живых сливаясь с раскаяньем мёртвых премудростью невысказанных пожеланий озаряют могильные провалы безвестных узников, когда-то воззвавшим к самим небесам...!

- Господь Милосердный, не дай познать живущим долгую неволю, где трепет и страх сковывает саму жизнь, пытаясь отбросить тень на Свет Божий...

ГЛАВА — 1

«АНХ* или Коптский крест»

Москва: 13-е октября 1965 года.

Вечер. Конструкторское бюро ракетостроения С. П. Королёва. Его кабинет, совещание:
— Сергей Павлович! — воскликнул Владимир Николаевич Челомей. — Безусловно, такие артефакты древности, как Анх или копьё Лонгина, заслуживают внимания специалистов, но...

— Владимир Николаевич, мы позже обсудим с вами и Келдышем некоторые аспекты секретного проекта, а сейчас давайте послушаем историю артефактов, которые были нам представлены из спецхрана Н. К. В. Д. СССР. Пожалуйста, пригласите архивариуса с докладом...

Битва крестоносцев. 1293 год. Пустыня Моав.

...Шаг за шагом, дюйм за дюймом тепло уходило, цепляясь из последних сил за дюны и барханы багровеющих песков, за редкие торчащие камни, за каждый выступ остывающей пустыни, за сам вечер, за наступающий сумрак ночи, и прохлада, пронизывающим веянием мрака, вступила в свои права по воле Всевышнего!..

...Сам мрак не имеет тепла. Он всегда предпочитает прохладу и сырость, стараясь даже с раскалённых зноем солнца песков прогнать, укротить, охладить этот жар, вдохнув в него озноб, душе — дрожь и страх сердцу, и оттого ночь в пустыне кажется пустой, холодной, но живой!

Ибо пустыня раскрывает свою суть вовсе не блистающими на небе звёздами, но копошением песков и ледящей серостью утреннего тумана.

♀*Анх (*коптский крест*) — символ власти фараонов в Древнем Египте.

И в этот довольно краткий миг рассвета солнце, словно спохватившись, что покинуло землю, собрав гнев свой в огненный кулак, обрушивает его на ускользящий мрак! И тот, умирая, подобно огромному чёрному зверю, капая белой кровью росы на песок, уползает в своё убежище — царство вечной тьмы, пещер и подземелий, и уже там зализывает свои раны, чтобы в наступающий следующий вечер, услышав зов своей богини Селены-Луны, вновь начать завоевывать землю и что на ней, начиная кусать пастью ледящего холода каждого, имеющего живое дыхание! А сейчас солнце, вступив в свои права, вонзило тысячи огненных копий в тело пустыни, добывая извечного врага, раскаляя пламенеющим гневом пески...

...Гийом вытер пот, застилающий пеленой глаза, а там, за его спиной, доносились хриплые, от пересохших глоток, крики его братьев по оружию, которые ещё звали своих... Но Гийом, опытный воин, побывавший во многих сражениях и державший меч с десяти лет, ещё юнцом усвоил со слезами в душе одно правило: мёртвым не помочь, а раненые, но ещё живые, тянущие руки к стоящему, бьющемуся воину, — лишь только смертельная помеха! И пока идёт бой — нет помощи, лишь сражение — главная цель. Если ранен, не слушай шёпотов телесных, погрузись в молитву Духу рыцарства, и да будет на всё воля Божия...

... И даже он, Гийом, воин святого ордена Тамплиеров, вывалившись из боя, увлечшись сражением с конницей проклятых сарацин, потеряв любимого коня Одиссея, который с перерубленным горлом рухнул под ним на раскалённый песок, в последнюю секунду поджав передние копыта, дав всаднику просто сбегать с седла, и через мгновение замереть, ибо он чувствовал саму смерть, её затхлый могильный запах, уже спешивший за его благоухающим верой сердцем!

И теперь сарацин, нанёсший смертельный удар коню рыцаря, спешил к нему, к Гийому, жажда всем своим пылким сердцем и сжатой в руке окровавленной саблей поразить спину

рыцаря, желая вонзить дамасский клинок по рукоять в этот ненавистный ему красный крест на белом плаще!

И Гийом замер на месте, оставляя спину открытой, маня сарацина крестом, а в сердцах восклицал: «Где ты, сарацинское отродие? Ну вот он я, вот мой крест, рази!» — и Гийом вновь замер, считая крадущиеся шаги кожаной подошвы за своей спиной. «Ну, арабец, ещё рывок!» — взревел разум рыцаря, и тот, словно подчиняясь мысли Гийома, с рыком в броске ударил клинком в спину с крестом, но тот, в мгновение рухнув на колени и выгнув спину, сжимая двумя руками толедский меч, ударил не глядя врага выверенным, отточенным движением в грудь.

— Ах, а!.. — сдавленно выкрикнул араб, зависнув на миг на клинке рыцаря, но Гийом, распрямив тело, как пружину, резким движением повернул меч в груди соперника, сердцем почувствовав, как за его спиной уходит в небо искра души противника.

Рыцарь повернул голову, посмотрев на тело врага, нанизанное на меч, но лишь на мгновение, ибо шагах в пятидесяти, спеша к нему, сжимая сабли в руках, бежали не спеша соперники, потому что заметили, как ловко крестоносец сразил их соратника. Но их было трое...

Гийом, заметив краешком глаза, как они слегка начали разбредаться в разные стороны, а его прежде всего мучила жажда: пересохшее горло не давало сделать глотательное движение. И рыцарь бесцеремонно, повозившись в складках одежды сарацина, слёрнул с него двухпинтовый бурдюк и, слегка тряхнув им, прошептал:

— Слава Богу, полный! — и сделал множество мелких глотков.

— Эй вы, сыны сыпучих песков, клянусь именем Бога Иисуса Христа, рыцарям нашего ордена тамплиеров не пристало убийство, — встаньте ради Бога на колени, и я свяжу вам руки за спиной, и даю слово, никто не причинит вам смертельного вреда! — Вы слышите меня? — вновь взревел Гийом.

Но вместо ответа сарацины, будто обезумев от незнакомых слов, посчитав их словами колдовства, забыв о своём манёвре, с криком ринулись на него, сверкая на солнце отточенной дамасской сталью над головой.

— Да вы просто псы! Раз само имя Иисуса Христа вам ненавистно! Ведь всякое превосходство над людьми без милости со временем приносит печаль, но вы нелюди, раз, видя смерть, стремитесь в её объятья! — вскричал во гневе крестоносец и неожиданно для всех рванул, что оставалось сил, на рычащих от злобы сарацин, которые просто опешили от такой безумной дерзости и замедлили шаги, кидая возмущённые взгляды друг на друга.

Но рыцарь, словно этого и ожидая, кинулся, подобно дикому зверю, на крайнего справа от себя врага и, с ловкостью охотника, загнавшего дикого зверя, перекинул меч на бегу из правой руки в левую и, чуть припав на правое бедро, с силой вонзил меч снизу в грудь врага. В это же время двое других сарацин попытались достать саблями рыцаря, но тот, резко развернув тело пронзённого им врага, ушёл, присев из-под ударов, ударив ногой в колено ближнего нападавшего, продолжая держать над собою убитого в грудь сарацина, до сих пор висевшего на клинке. И, увидя испуг и оторопь в глазах врагов, Гийом с улыбкой, более походившей на оскал зверя, сбросил с себя жертву, не вынимая рыцарского меча, пнув вдогонку ногой в живот, и сарацин рухнул спиной на песок, устремив взгляд в небеса. Присыпанный пылью, лёжа в ярких лучах солнечного света с мечом в груди, враг словно сжимал своим сердцем крест Тамплиеров.

— Ну что, укротители песка и верблюдов, опешили? Вот он я, без оружия, но с Господом в сердце! Кидайтесь в объятия смерти, и геенна огненная будет ожидать вас! — и крестоносец вновь засмеялся, видя страх и нерешительность врага.

— Алла! — вскричал один из них, кинувшись на Гийома резко, сбоку ударив крестоносца, пытаясь снести с плеч ненавистную улыбку, но тот вновь, стоя на месте, изогнулся, отклонившись назад, пропуская мимо лица острый клинок сарацина, и неожиданно сильным ударом толкнув его в правое плечо, отчего сарацин по инерции, закружив, падая на свой же клинок, отпустил саблю, отлетев от рыцаря через кувырок, и, ругнувшись, покраснел от такой неумелой промашки...

Гийом пристально посмотрел на третьего воина, странным образом отскочившего от всех на три шага, но крепко сжимавшего саблю и весьма дерзко посмотревшего в глаза крестоносца, готового вот-вот сорваться на него. И Гийом, почувствовав опасность, не сводя бесстрашного взгляда с противника, наступив правой ногой на грудь сражённого сарацина, резким движением вырвал свой меч из окровавленной груди.

— Ну что, застыл, укротитель диких ишаков? — и сарацина от гнева потрянул озноб. — Чтوپастух, у тебя с ослами одни блохи? — засмеялся рыцарь.

— Проклятая неверная собака может только лаять на идущий караван! — вскричал в бешенстве воин пустыни.

— Да ты, пёс, разумеешь человеческую речь! — в удивлении вскрикнул крестоносец. — А то вас, чертей, не различишь, когда орёт дикий ишак, а когда осёл, возомнивший себя воином! — Ну что, нашёл свой кривой ножик? — усмехнулся рыцарь. — Наконец-то! — увидев, как второй сарацин, чуть согнувшись в поясе и широко расставив ноги, сжав в своей руке саблю, с рыком тронулся к нему...

— Видит Бог, я предлагал тебе жизнь, но ты, неблагодарный пёс, выбрал смерть! — и рыцарь очень резким движением, да так, что лязгнула кольчуга и до боли хрустнули кости, с полуоборота, словно адова пружина, метнул именной кинжал — подарок магистра ордена, да с такой силой, что, войдя сквозь броню в грудь сарацина, звякнула гарда о железную пластину воина.

— Твой выбор завершён! — слегка разжав губы, произнёс крестоносец.

— Ну а ты что, отойдя, застыл? И твоему разуму недостаточно смертей? Встань на колени, безумец, ибо я не желаю тебя убивать... Но тот сделал шаг...

... Беспощадно яркое до боли в глазах солнце, выжигающее саму жизнь и накаляя каждую песчинку, каждый камушек, впаянный в плоть пустыни, казалось, открыло адову дверь, впуслав в мир ангела огня, овивающего жаром всё живущее...

Гийому уже виделось, что песок огненной струёй обвивает ему до боли колени, что каждый камушек под ногами его — лишь пылающий жаром уголь, а воздух — это сухой пар от раскалённых до белёзны небес.

Рыцарь с болью в груди выдохнул: «Огненный», — иссушающий воздух из своих лёгких, и, казалось, обжёг им растрескавшиеся губы. Но, собрав силы, с рёвом сделал ещё один выпад, и сарацин, еле стоявший перед ним, изнемогая от жары и усталости, не менее крестоносца, как-то неестественно взвизгнул, ухватившись левой рукой за правое плечо, державшее саблю, ибо меч рыцаря вскользь, но зацепил его.

— Я приоткрыл для тебя ворота в преисподнюю, пёс! — прохрипел Гийом, собирая в кулак остатки сил. Но руки, налившись неимоверной тяжестью, просто отказывались подчиняться, чтобы нанести удар. Но и сарацин на остатках своих сил смог лишь попятиться на пару шагов назад и как-то странно передёрнуться всем телом, словно его взяла за шиворот и потрянула невидимая, но очень сильная рука.

— Лучше встань на колени и не смотри на меня глупым, непонимающим взглядом. Ты разумеешь мою речь? — и тогда Гийом из последних, казалось бы, сил сделал резкий выпад вперёд. В последний момент, припав на правое колено, силясь в броске, выкинув руку с мечом, до боли в плече поразить противника, но тот в самый последний миг, когда, казалось, острые

клинки вот-вот коснутся его плоти, неожиданно резко отклонился назад и в сторону, как это делал сам Гийом!

— Дьявол тебя побери! — кое-как встав и теряя силы, выругался рыцарь. — Ты сражаешься как я? — вновь удивлённо воскликнул он. А затем само солнце померкло в глазах крестоносца, и нечто чёрное, сопя огромными ноздрями, начало наседать на него, осыпая градом ударов огромными чёрными лапами, словно сам демон ночи послал сюда своего непримиримого воина.

Гийом смотрел с удивлением на могучую поступь странных, доселе невиданных лап, более походивших на поступь ног африканского бегемота, вырвавшегося из чёрной грязи зловонного болота.

И рыцарь, в крике призвав Божью помощь, замахал своим огромным мечом на удачу, надеясь всё же сразить злобную тварь. Но в какой-то момент боя Гийом вдруг понял, что в руке его вовсе не меч, а огромный и весьма тяжёлый факел, и лишь только его пламя способно отогнать зверя.

Пот, застлавший глаза рыцарю, теперь более походил на кровь из ран на лбу и на висках, и Гийом всё же раскрыл глаза пошире и, слава Богу, увидел остриё своего меча, заблиставшего на солнце, и то лишь на самом кончике кованной толедской стали! Теперь крестоносец видел ту искорку огня, славя божье светило, которое дарило ему силу и торжество радости о Господе...

Удар, ещё удар — и тень вдруг рухнула, изогнувшись, навалилась своей огромной массой на спину крестоносца, и он, припав на колено, схватив горсть горячего песка в левую руку, сию же минуту омыл им своё лицо от пота, застлавшего его глаза, неожиданно почувствовал, что нечто тяжёлое звякнуло сталью о его пластины, закрывающие спину, и будто выпало из плоти давящей тени, свалившись на песок.

Гийом, оттерев лицо песком, вздохнув с облегчением, встал на колени, рассматривая предмет, упавший с его спины, мгновения назад давившей его плечи.

— Крест? — удивлённо вскричал он. — Я такой видел в руках фараона на рисунках египетских захоронений! — и, осторожно взяв его в руки, прошептал: — Это же АНХ! Коптский крест!...

— Гийом вовсе не трус, брат мой! И тем более не предатель! — жёстко произнёс аббат де-Молье, стоя у окна в замке тамплиеров, затерянного на краю Святой Земли в раскалённых песках полупустыни. — Ты услышал мои слова, брат Совьен? — вновь, не менее строго, спросил аббат, посмотрев в его глаза. — Но где же он? Его нет среди мёртвых, нет среди раненых, где он тогда?

— Возможно, его забрал Сам Господь! — и аббат, примирительно улыбнувшись, поднял палец вверх.

— Его душу? — пробурчал с ехидством Совьен.

— Не смей, слышишь, не смей сомневаться в честности брата своего! Слышишь меня Совьен! Ибо...

Но тут в коридорах лестниц каменного замка послышались многочисленные шаги и бряцанье оружием, задевающего сталью искусно украшенных ножен об узкие проходы замка.

Де Молье и Совьен тот час повернули в ожидании головы к дыри, разом прервав неприятный разговор.

Резко вошедший в дверь брат Люсьен, склонил голову перед аббатом.

— Говори брат, не томи!

— Гийом вернулся! — радостно отозвался он. — То есть возможно!

— Что значит, возможно, Люсьен?!

— Он в госпитале, пойдёмте, сами всё увидите!...

... Ну, ну мальчик мой, по великой милости Божией ты спасён и среди братьев, за всё слава Богу! – и Де Молье склонившись над топчаном, на котором лежал брат Гийом, бережно провёл ладонью по не бритой, иссушенной зноем щеке. – Господь благословляет тебя рыцарь!

— Святой отец, он не человек, уверяю вас! — прошептал обессиленный Гийом, сисясь приподняться на локтях.

— Кто он? О ком ты говоришь, брат? — немного опешил аббат.

— Но я с Божьей помощью убил его! — и рыцарь обронил голову на топчан.

— Он, видимо, бредит, и у него сильное обезвоживание! — совсем тихо прошептал Совьен, глядя на Гийома.

— Его плащ весь в крови, и это не его кровь, ибо таких ран у него нет, хотя весь в сильных ушибах и синяках, словно побывал в жерновах, где палками из него выбивали пыль, — произнёс Люсьен.

— Святой отец, я стою на пороге вечности и прошу выслушать меня! — прохрипел Гийом.

— Сын мой, никто не знает...

— Подождите, отче, я вовсе не в бреду, он не человек! — тихо, теряя силы, прошептал рыцарь.

— Уж не дьявола ли ты сразил? — с явной усмешкой произнёс брат Совьен. Но Гийом, не обращая внимания на Совьена, протянул аббату дрожащей рукой довольно массивный коптский крест — анх.

— Разве дикий зверь носит такое? Но и дьяволу... такой... ни к чему! — потеряв последние силы, еле прошептал Гийом. И аббат с большим удивлением, принимая крест из руки рыцаря, осторожно начал разжимать уже холодеющие пальцы, сжимающие овальное кольцо креста в предсмертной агонии Гийома...

...— Бесподобная легенда, товарищ Архивариус, а есть продолжение? — спросил, чуть улыбнувшись, Келдыш, посмотрев на строгое лицо Королёва, и хранившего молчание Челомея.

— Да, товарищи, интерес вызывает тот факт, что буквально через месяц после описываемых событий появляется информация в свитках о втором, интересующем вас, то есть, ваше конструкторское бюро, артефакте, — Сергей Павлович, разрешите продолжить доклад?

— Ждём с нетерпением, вы прекрасно подготовились...

ГЛАВА — 2

— Перо — или копьё Лонгина —

1293 г.? Спустя месяц

... — Ну это просто чушь! — Вы слышите меня, Дамбре? Это полнейшая... — и вдруг Совьен пристально посмотрел в глаза Дамбре, прижимавшего к груди ржавый наконечник, довольно большого копья, чем-то похожего на наконечник копья римского легионера.

— Ну ради Бога, посмотрите, брат Совьен, ваш опыт, ваше положение в ордене... — настаивал Дамбре, добавив: — Я же по вашему слову с братьями посетил святыне места! — и Дамбре чуть запнулся.

— И конечно же нашли в ближайшей лавке! — с ухмылкой повысил голос Совьен. — Копьё самого Лонгина! Такое чувство, Дамбре, что вопреки обету, вы всё же выпили сладкого вина.

— Нет-нет, что вы! — опешил от такого подозрения рыцарь, впившись возмущённым взглядом в почитаемого в ордене брата Совьена.

— Тогда смотри мне в глаза, брат, и скажи ради нашего Господа Иисуса Христа правду, где вы взяли эту железяку, которую выдаёте за копьё Лонгина, которое нанесло рану нашему Спасителю! — вскричал другой брат Намьен, поднимая ладонь с двумя пальцами над головой, на манер Папы Римского.

Предыстория Копья Лонгина.

Начало 33 г. н. э.

...Тихое июньское лето, чуть охладив лёгким порывом ветра раскалённые дневным зноем пески и камни пустынной Палестины, склонило бесповоротно само солнце к вечеру. Будто сама рука Бога, поднеся солнце к себе, с упоением вдыхая аромат ярчайшего цветка, насытившись его светом и теплом, опустила от себя злато-огненный бутон на закат. И от того, что Господь сомкнул свои ресницы, на земле наступил вечер!

О, это Его Божие мгновение, а для земных — вечность бытия! О, какое величие небес, разве не за ночь, отдыхая от солнечного зноя, поют цикады во славу великого Бога, а в полночь вдохновенья мудрецы слагают гимны о любви и вечности, не ища покоя в ложах своих!

Вечность в мгновении Бога. Даже сама мысль о величии Творца вызывает трепет и восхищение. Малик, запрокинув голову к звёздам вечернего неба, сквозь лёгкую дымку костра рассматривал бескрайние шатры с мириадами мерцающих звёзд...

— Боже, великий Тво... — и неожиданно в миг, даже через сомкнутые веки, Малик почувствовал, что ночь буквально рухнула с небес, и он сразу же резко открыл некогда дремавшие глаза, но увидел над головой лишь саму тьму покровы, закрывшего сияние неба, — и, вскочив на ноги от страха, он схватился за трепещущую грудь, где, замирая странным перебоем, билось его сердце. Но в это же мгновенье стальной лязг и скрежет ураганом ворвался в его разум, разрывая и оглушая звуком, подобно удару молотом в стальной шлем воина! И от этой разнёсшейся по вискам боли он ладонями сильно зажал уши и закричал, что было сил, не слыша собственного голоса.

— Боже мой, нет! А-а! — надрывая горло и вздувшиеся от натуги вены на шее, висках, пытаюсь от страха услышать хоть бы один звук из своих уст. Но чёрный полог мрака ночи необъяснимым образом продолжал укрывать небеса и все звуки жизни.

И всё же, пересилив свой страх, Малик понемногу начал, вглядываясь, рассматривать это «тело» во тьме и, вздрогнув, он чуть улыбнулся пришедшей мысли, ибо оно чем-то напоминало огромнейшего морского ската, только из кованого железа, необъяснимым образом зависшего на небе! И он, Малик, сын опытного кузнеца Нагриба, застыл малой песчинкой под брюхом этого стального чудовища ночи.

Спустя мгновенье раздался такой грохот, что под Маликом затряслась земля, и стальной «скат», как-то неловко завибрировал, словно пружинящая железяка под отцовским ударом кузнечного молота.

И вдруг, с ужасающим треском из кончиков стальных крыльев вырвался многоцветный пламень, превратившийся постепенно в свистящую струю, от которой загорелась и начала плавиться далёкая дюна жёлтого песка.

— Господи, да что же это такое?! — взмолился Малик, не в силах оторвать взгляда от ночных феерий грохота и огня. Но затем этот полог ночи, дрожа и выпуская тысячи синих и розовых огней, с железным скрежетом и грохочущим стуком сделал медленное движение и начал на фоне далёких небес проявляться, словно тончайшая материя от дуновения ветра слетела с лица красавицы...

Огни, ровные линии, вращающиеся круги... Невиданная и немыслимая красота силуэтов с небесной силой внушала Малику такой трепет, восторг и страх... Что, проваливаясь в небытие, он после вспоминал, как это тело ночи коснулось далёких-далёких снежных вершин, потом чёрных скал, лязгая и треща всем своим телом, вскоре напоминая полёт огромного раненого орла, пронзённого стрелой невидимого охотника. И при взмахе раненого крыла эта великая стальная птица обронила серое, медленно спадавшее с небес - перо...

...О беда на мою седую голову, мой сын! Ты сам не ведаешь, что говоришь, ибо в тебя вселились джинны! И ты сходишь с ума! — кузнец Нагриб, выслушав рассказ сына, топнул ногой от нахлынувшей ярости.

— Отец, но...

— Прочь, прочь, безумец, с глаз моих! — пылая взглядом, Нагриб указал сыну на дверь.

— Нет, нет, отец, твой сын не лжец и не безумец! — и Малик протянул руки к отцу. — Вот это «перо» стальной, раненой птицы!

— О, Боги! — только и смог промолвить кузнец, беря из рук сына странный обломок, слегка сияющей синеватой стали...

Спустя время — /пригород Иерусалима./

...Марк со всего маха ударил ногой в дверь хижины кузнеца Нагриба, и та с грохотом, слетев с петель, впустила в дом римских солдат, возглавляемых центурионом Марком Стратоном. Кузнец, хлопая сонными, испуганными глазами, с растерянным видом стоял, дрожа, перед самым Марком, чья дерзость и низость поступков шла впереди его «побед»!

— Ты же кузнец?! — как бы утверждая, воскликнул Марк, уперев кончик меча в трясущуюся грудь Нагриба.

— Да, я, господин! — сдавленно, с трудом проглотив слюну в пересыхающем рту, произнёс кузнец.

— Ну тогда молись и слава Богам, что не придётся гнаться за презренным рабом по норам, в которых живут твои родичи — навозные жуки! — и Марк радостно блеснул глазами под хохот воинов. — Значит, ты, навозник, решил ковать железки, которые вы, черви, гордо нарекли мечами, вооружая всякую шваль и рабов Великого Рима, дабы они обратили их против величайшего кесаря?!

— Марк слегка надавил мечом на грудь «бунтовщика», и алая струйка крови ручейком побежала по его груди.

— Господин, я... я! — начал было говорить в своё оправдание Нагриб, но тут за его спиной послышались крики и визги его домашних, гулкий топот и глухие удары под смех римских солдат.

— Стой спокойно, навозник, и встретить достойно кару за попытку бунта. И, возможно, я удостою тебя взглядом и нареку именем «раб, достойный смерти от плетей», но ты сам узришь, как Рим выбивает дурь из своих рабов. И, может, боги смилуются и пошлют тебе быструю смерть, а может, боги отведут руку возмездия, если у тебя, навозник, найдётся презренный жёлтый металл, из которого не куют мечи... Ха-ха, но покупают их!

— Господин, господин, у меня нет золота, но я прошу слова! — залепетал кузнец, рухнув на колени.

— Ты уже его сказал, навозник. Стронций, верёвки! — Вскричал Марк, потеряв интерес к бедняку.

— Господин! — вдруг вскричал кузнец со зловещей улыбкой на устах. — Я буду тебе полезен более живым, нежели гниющей плотью, господин! — на последнем слове Нагриб сделал необычное ударение, которое можно было принять за издёвку.

— И чем же... р... раб? — как-то уже неуверенно произнёс Марк, словно кузнец начал обретать доселе скрытую силу, частичку какой-то власти.

— Я могу выковать из неведомого материала копье, способное поразить любую плоть! И даже Божью!..

— Послушай, раб, даже если все мечи, что выковала твоя подлая рука, сковать вместе, то и они не оставят и малой царапинки на могучем теле Ареса! — рассмеялся центурион с солдатами. Но неожиданно появившийся Стронций что-то зашептал ему на ухо, указывая пальцем на кузнеца.

— Ты ничего не путаешь, Стронций? — Да быть такого не может! Этот навозник — единственный достойный кузнец? О, Боги! — и Марк вогнал меч в ножны. — Ладно, да будет так. — А тебе, раб, я говорю так! — и центурион пристально взгляделся в глаза Нагриба. — В начале недели ты будешь нужен мне! Либо ты навеки сдружишься с червями смердящими!..

...

Начало недели: II-я стража.

...Господин, господин! — Нагриб, подобно собачонку, бежал семеня ногами за центурионом, командующим казнью разбойников.

— Что тебе, раб? — Марк нервно обернулся, вытирая тряпицей пот с мощной шеи.

— Я принёс, принёс, господин! — торопливо заговорил кузнец с поклоном, протягивая завернутое в материю острие, выкованное им из диковинной стали.

— А, а! — тихо прошептал Марк, рассматривая действительно хорошую работу и проверив на прочность чуть-чуть отливающий в синь металл, громко воскликнул:

— Лонгин! Где ты, айда, тебя побери!

— Я здесь, мой господин, мой центурион! — с явными признаками лести донёсся голос подбегающего legionera.

— Возьми и сделай достойное твоей неустрашимой доблести копьё, вместо той утерянной тобой железаки!

— О да, это что надо! — воскликнул Лонгин, осматривая остроту и ковку металла. А тем временем Нагриб с поклонами начал отходить от воинов прочь.

— Ты это куда, раб? — зло вскричал Марк. — Насади Лонгину наконечник на достойное древко, а то мой лучший воин будет ходить с одним наконечником, подобно разбойнику! Ты опять, навозник, хочешь высмеять римских солдат?..

— Вот, господин, готово! — и Лонгин, взяв у Нагриба копьё, тряхнул им и остался доволен.

— Позвольте пойти с глаз ваших прочь?! — молящим голосом простонал кузнец, предчувствуя надвигающуюся беду.

— Обожди, куда ты так спешишь? Ты мне нужен здесь, раб! — и, посмотрев на своих воинов, копошившихся возле лежащих деревянных крестов, уготованных для казни разбойников, громко воскликнул: — Иди, возьми молот и гвозди, ты же хороший кузнец, или мой помощник Стронций солгал?

— Я... я... — опешил он.

— Да, именно ты, червь! — и центурион навис своим могучим телом над вздрагивающей головой Нагриба. — Или мне лучше взять твоего сына? Он не будет задавать глупых вопросов? Или он бунтовщик?

— Нет, нет, нет, господин! — и кузнец рухнул вновь на колени.

— Тогда встань и вбивай молотом гвозди, а то, клянусь Юпитером, сегодня же будешь угощением для червей могильных!..

...Нагриб, взяв кованный когда-то им гвоздь, посмотрел на свою работу с сожалением, а в другую — тяжёлый молот, и на ватных ногах подошёл к преступнику, приговорённому синедионом к смерти, одобренному прокуратором Иудеи и разложенному на кресте римскими солдатами. И, встав на колени, прочитав табличку «Царь Иудейский», взглянул на центуриона.

— Что смотришь? Это и твой царь? Хотя ты не иудей, но теперь запомни: ты навсегда мой раб, а не его! — грозно воскликнул Марк и тотчас выхватил меч. — Ну, вбивай, пёс! — и, приложив клинок к шее, чуть надавив, и капельки крови, попав на кровосток оружия, будто бы заматались на клинке, не смея упасть даже на крест!

Видя такое, Марк воскликнул:

— Да пусть видят и боги: ты сам кузнец, бунтарь, и кровь, подобно тебе, мечется! — засмеялся он и хлёстким движением клинка смахнул их вдаль от Голгофы.

— Вбивай, кузнец, а то и сам погибнешь! Да сбудется Писание! «Ибо на Мне грехи мира, которые Я уношу с Собой, дабы спасти вас!» — как-то тихо и необычайно нежно произнёс Человек, и Нагриб вдруг явственно осознал, что голос Его звучит у кузнеца в голове, а лежащий на кресте не раскрывает уст своих!

И тогда Нагриб ответил Ему:

— Так, мой Господь. — И, размахнувшись, вбил гвоздь в руку Его...

— А-а-а! — вскрикнул Нагриб от дикой боли, словно он вогнал кованный гвоздь в свою же руку.

— Что кричишь, раб? Страшно распинать своего же царя и бунтовщика? — рассмеялся Марк.

— Да, это так, господин! — дрожащим голосом ответил Нагриб.

— Не бойся, делай, что должно! — вновь раздался голос в голове Нагриба, и он вновь ударил по гвоздю...

...После того, как земля успокоилась и небо чуть просветлело, было получено разрешение на захоронение Царя Иудейского. Центурион оставил за старшего Лонгина опечатав могилу Иисуса из Назарета, а сам спешно покинул унылые для его сердца места, ибо чувство стыда и отчаянья овладело им, и он сначала быстро шёл, потом побежал, заплакал, не осознавая, почему ему, римскому центуриону, так мерзко, и выход виделся только один — залить всё вином, не дать разуму мыслить, не дать уму отрезветь...

«...Ну что за приказы нам отдают!» — возмущался Антоний, недовольно смотря на римскую печать, нашлапанную на камень, затворивший могилу Царя Иудейского.

— Антоний, если хочешь неприятностей, задай этот вопрос центуриону, а мне не надо такое слушать! — тихо прошептал Лонгин, как-то особенно смотря на своё копьё.

— Мы воины, друг мой, а не кладбищенские сторожа! — вновь начал своё нытьё Антоний.

— Во-первых, если ты ноешь, осуждая приказ, — ты мне не брат! Воины не выказывают жалости, склоняя друг перед другом обсуждать нытьё и сопли, понял, Антоний?

— Да, командир! Больше такое не повторится! — выкрикнул Антоний, встав на вытяжку перед Лонгиным. Но Антоний заметил, что командир его больше не слушает, ибо Лонгин задумчиво и с удивлением разглядывал заблеставшую в лунном свете чуть голубоватую, еле заметную глазу, вспышку стали, которая удивительным образом то удлиняла остриё копья, то расширяла лезвие!

— Да дрянь иудейская, что они могут, дикари в своей пустыне? Жрать да молиться, но только не ковать железо! Это же не дамасскаяковка! — шептал Антоний.

— Может, и не Дамаск, но царя пронзило! — хрипел зачарованный видениями в искрах Лонгин.

— Что с тобой, какого царя? — зло сплюнул Антоний. — Ты ещё скажи — ребро Бога! — рассмеялся он, и вдруг голубоватый всполох молнии разорвал ночное небо от далёкого края до самого горизонта, с треском, разрывающим саму плоть земли.

— Что это?.. — вскричал перепуганный Антоний, больно вцепившись обкусанными ногтями в руку Лонгина.

Но следующее мгновение ввергло в шок обоих, ибо сама молния немыслимым образом замерла, застыла в ночном небе и будто бы, набравшись небесной силы, потекла! Потекла огненно-голубой змеей сюда, на землю, запетляв своим телом меж далёких звёзд!

— О, боги!.. — опешил Антоний. — Она, она движется сюда, Лонгин, сюда! — кричал он застывшему в изумлении командиру, ибо Лонгин наблюдал, не смея отвести взгляд, видя, как тело гигантской молнии именно стало стекать с небес сюда, прямо к ним, заостряясь на самом конце, подобно небесно-разящему жалу.

— Это не молния, это копьё самого бога небес! — хрипло воскликнул Антоний, видя, что, если это действительно сам бог войны, то он выцеливает остриём своего копья именно их!

— О, Боги! — громко и надрывно прокричал Антоний, рухнув на землю, и в то же мгновение пыхнувшее многоцветием огромное жало молнии поразило сам камень, затворявший вход в могилу царя иудейского Иисуса Христа, и тогда...

— ...Э, э, постой, постойте, друг мой, что могло быть и так?! — и Намьен спокойно посмотрел на Дамбре. — А где вы сами взяли это копьё, ну точно не из рук ныне покойного Лонгина? — под общий хохот спросил улыбающийся Намьен.

— Мне отдал его некто, некто сидевший на камне рядом с могилой... Это правда, братья! — умолял Дамбре.

— Прекратите нести чушь, друг мой. Всё это случилось больше тысячи лет назад, и уж точно вас никто не ждал ни на какой либо могиле! Вы же не мистик, ибо это не достойно нашего братства, что живёт под покровом Самого Христа! — жёстко выразился Намьен.

— Я готов поклясться! — с жаром воскликнул Дамбре.

— Вы забываете Святое Писание? Клятвы не достойны рыцарского звания! — и Намьен, перекрестившись, добавил: — Да вразумит тебя Господь, брат мой!

— Да простит меня Бог, что я в горячке произнёс слова о клятве, но, брат, Бог свидетель, я докажу, что я не лжец! — но Намьен отмахнулся от его слов, как от назойливой мухи.

— Брат, я принесу Господу самый строгий обет с такими ограничениями, которые ты выберешь сам! — с горячностью выпалил рыцарь.

— Что ж, брат Дамбре, обет пред Господом — это богоугодное дело. Давай, рыцарь Дамбре, доказывай свою правду, и не понадобятся строгие лишения...

— ...Сорок костров? Немного ли, братья? — воскликнул подошедший Совьен.

— Успокойся, брат! Если в его руке будет настоящее копьё Лонгина, окроплённое святой кровью Христа, то ему не повредят и сотни кострищ земных! — и Намьен поднял палец кверху и, начав отдавать приказы многочисленному, более молодому братству, которое накануне прибыли с продуктовыми обозами с родной Европы, в замок.

— Такое впечатление, что вы избавляетесь от излишка дров, которые весьма дороги здесь! — возмутился престарелый брат Конталь, прибывший с обозом.

— Пусть братья узрят частичку могущества славы Господней! — примирительно приобнял старого рыцаря Намьен.

— А если... — спросил, приподняв бровь, Конталь.

— Тогда молодым будет урок: не ищите правды там, где её просто не может быть! — и Намьен заторопил братьев, выкладывающих из дров тоннель, чтобы само пламя стеной выжигало любую живую плоть, чтобы Дамбре, бегущий по огненному проходу, либо сгорел, либо действительно, копьё Лонгина чудесным образом спасло ему жизнь...

— Ну, брат, ты готов к такому испытанию? — тихо шепнул Совьен, под крик и отмашку Намьена, чтобы братья поджигали костры.

— Одумайся, брат! — тихо шептали друзья и братья.

— Нет... Давай поджигайте, я готов! — громко закричал Дамбре...

...— О, Господи! Ты учил меня не клясться землёй, ибо это подножье ног Твоих! — кричал Дамбре и тотчас язык пламени вонзил своё жало в его щёку, и, замотав головой от дикой боли, он сделал ещё шаг вперёд.

— Великая слава Тебе, Господь Всемогущий! Ты учил меня не клясться и не лгать! — А, а, смилуйся, Великий! — взревел от непереносимой боли Дамбре, ибо загоревшаяся одежда, подобно бичу, полосовала спину огненным «кнутом», безжалостно срывая горящую плоть с его спины.

— Господи милосердный, сердце, жизнь моя, душа моя, в руке Твоей! Всё стерплю ради Тебя! А, а... Люблю Тебя всем сердцем, Отец! — А, а! — извиваясь и крутясь, не видя кроме

пламени ничего, он шёл, боясь лишь потерять от боли сознание, но, взывая к Господу, появлялось чувство, что и эту боль можно вытерпеть.

— Я, Господи, всегда любил Тебя... А, а! — и само жало огня, не давая договорить, с такой силой ударило в грудь, что начало вместе с горящей рубахой срывать огненной струёй и плоть самого тела, прогрызаясь раскалёнными клыками пламени к самому сердцу, ударяя в ноздри запахом палёной плоти!

— Прости и прими меня, Святой, я иду к Тебе! — взмолился рыцарь и, подняв остриё копья над пылающей головой, страдая от невыносимой боли, ступал шаг за шагом, благодаря Бога, что выбрал его среди достойнейших пройти это испытание, этот огненный путь...

Станным, необъяснимым образом само копье, что теперь сжимал в руках своих рыцарь, начало впитывать в себя безумный жар пламени, и ему стало нестерпимо больно удерживать в руках раскалённый металл, но сейчас и Дамбре почувствовал, что только в неимоверном терпении появляется надежда среди огня и пламени на спасение! Только так, других путей нет, так и в жизни...! И он с упорством обречённого, но с верой и надеждой шёл вперёд...

— Ну это не серьёзно брать во внимание легенды далёкой древности! Вы свободны, архивариус, дословный перевод свитка на край стола положите! А вы не жалеете о потраченном времени, товарищи? — и Королёв обвёл всех взглядом.

— Я скажу вам, Сергей Павлович, сейчас наше мышление поверхностное, надо увидеть всё и потом проанализировать, обдумать!

— Да, уважаемый, всегда надо думать, думать и думать, — и Королёв необычно сильно надул щёки.

— Сергей Павлович, теперь давайте осмотрим тот самый Коптский крест и копье Лонгина! — и Челомей, раскрыв застёжку своего внушительного портфеля, осторожно достал предметы, положив их перед генеральным конструктором.

— Ну что я могу сказать, с первого взгляда — просто какие-то железяки! — совсем тихо произнёс Сергей Павлович, повертев в руках сначала крест.

— Соглашусь с вами, если бы не вот эта маленькая деталька! — тотчас ответил Челомей. — И Королёв, взяв со стола лупу, пристально начал рассматривать чуть беловатое вкрапление у самого основания креста.

— И что? — с удивлением переспросил конструктор.

— Вот, напоминает болт, зачем-то вкованный в этот предмет египетского культа фараонов, и поражает ювелирная точность исполнения! А металл! Настолько прочен, что мы не смогли на нём оставить царапину алмазной микрогранью. Нам такой материал, возможно сплав, не известен! — как-то совсем тихо и загадочно прошептал Челомей.

— В смысле болт, в древнем Египте из такого металла, две тысячи лет назад? — возмутился конструктор.

— Ну во-первых, не две, а четыре тысячи лет назад, — вывод специалистов из института металла и сплавов однозначен — четыре тысячи лет, но у нас и по сей день нет таких технологий, чтобы так обработать этот «болтик», о прочности которого и говорить не приходится!

— Ну а что с этим наконечником копья, что не так?

— Сергей Павлович, вот обычная восковая свеча, подожгите и, пожалуйста, нагрейте кончик этого копья!

В руке Королёва блеснула зажигалка, и, поднеся остриё к горячей свече, он загляделся, как металл начал менять цвета: с какого-то блеклого — на синеватый, потом на мерцающе-голубой.

— А вы потрогайте остриё, не бойтесь!

Королёв со страхом, после пятиминутного нагрева, коснулся пальцами острия, но металл вообще не нагрелся, а оставался прохладным.

— Быть такого не может! — вскричал удивлённый конструктор. — Металл поглощает тепло? Или не воспринимает, отталкивает нагрев, окисление, то есть сам пламя огня не воспринимает?! Поразительно! Не только огонь, но и не воспринимает температурные колебания по тепловому принципу! С холодом, до абсолютного нуля побоялись проводить испытания; без вашей, Сергей Павлович, резолюции, — выпалил на одном дыхании Челомей.

Спустя время тягостного ожидания Королёв, пристально посмотрев в глаза коллеги, тихо произнёс:

— Ты помнишь наши беседы на пикниках, о них?..

— Каждое слово, Сергей Павлович!

— Как ты мыслишь, эти материалы могут быть от них?

Челомей, как-то засуетившись, пожал плечами.

— Звони Брежневу, скажи, мы готовы предоставить на обсуждение проект «Марс»...

...Сергей Павлович! — Челомей с раскрасневшимся лицом вошёл в кабинет Королёва. — Вроде и добро сверху получено, деньги какие-никакие выделены, но кого послать в экспедицию на Марс — не ясно! Обезьян вроде жалко и дорого, да и что они расскажут? Людей запретили, даже добровольцев, так как «билет в один конец»! Но намекнули, что не возражали бы, если мы с соответствующими органами, отобрали из заключённых — смертников...

Королёв зло сверкнул глазами на Челомея.

— Простите, марсонавтов?! —

— Я не против, я двумя руками за! — ответил Королёв.

— У меня, Сергей Павлович, другие соображения по этому вопросу, простите, не ожидал от вас! Если возможно, Сергей Павлович, объясните!

— А что там объяснять — про Гулаг? Или про тюрьмы Н.К.В.Д.?

— Но сейчас не то время, Серёжа!

— Я вспоминаю себя, Владимир Николаевич: пытки, издевательства в тюрьмах, зонах! Там такие условия... Да если мне бы предложили такое, я бы был счастливейший человек! Это потом была «шарашкина контора», где собрали инженеров, авиаконструкторов, где был и режим ослаблен, и питание, и сон! А до этого был ад!

— Я говорю ещё раз: да и да! Пусть специалисты начинают подготовительную программу, тесты, тренировки, отбор...

— Да, и личные дела претендентов ко мне на стол! Лично буду знакомиться: кто и за что!...

ГЛАВА — 3.

«ВЕК ПРОХОРА САБЛИНА»

195... год.

...Лёгкий снежок мелкой порошей укутывал серебристый отсвет, едва высвечивающий в блюдцах недалёкого болотца, но морозный воздух старался сковать и эти пока не замёрзшие лужицы воды, и редкие кусты, которые, вытянув свои тоненькие веточки, пытались защитить от падающего снега свои зеркала, в которые каждое утро они смотрелись, выгибаясь красотой от дуновений разных порывов ветра.

А сейчас, блистающие на ночном небе искры редких звёздочек, то ли от мороза, а то ли от натуги далёких планет, роняли над таинственной тайгой загадочные всполохи северной радуги, неповторимого сияния небес.

Ни звука, ни пятнышка следов от блуждающих в глубинах таёжных лесов зверей и птиц. Лишь холод и хрустящий под ногами снег, зябко, и с каждым дуновением ветра, словно дыханием севера, обжигало лица людей.

— Далеко ещё? — и Клим по тюремному прозвищу Клык посмотрел на Прохора Саблина, пахана, с непререкаемым авторитетом, ныне прижавшегося от усталости к просмолённому стволу вековой сосны.

— Меньше базар, лёгкие простудишь, — и чуть погодя добавил: — Любая речь отнимает силы, а они нам нужны, это Васюганские болота!

— Всё понятно, пахан, но холод проник до костей, тревожусь за тебя, уважаемый, я за тебя головой в ответе перед «обществом»! — и Клык посмотрел на третьего уголовника, сявку по уголовной жизни, доброго и жалеющего всё живое Данилу Шпака, лежащего на снегу, тяжело дышащего, но повторяющего, как молитву, слова:

— Лучше смерть в ледяной тайге, чем та жизнь в зоне!

— Всё, продышались, вперёд, не базарить попусту! — и резко оторвался от сосны, оставив на телогрейке прилипшие частички смолы. — Ещё есть тепло! — вспыхнула мысль, и Прохор углубился в темноту.

— Ну чё разлётся, псина! — и Клим пнул носком валенка лежащего Данилу. — Пахан прёт, а ты... тварь...

— Иду, иду! — с трудом встав, кинулся в догонку Шпак...

... Васюганские болота бесконечной топью своей простираются на сотни и сотни километров сибирской тайги, обретая славу самого большого болота во всём мире, от диких подножий северного Урала и до хрустальных вод Великого Байкала. И если на северах главенствуют проплешины бурых лишайников и серых мхов с ветвистыми корягами мёртвых чёрных стволов, то вдали от леденящих ветров болото расцветает бескрайним покровом изумрудного мха, с озёрами и довольно густыми пролесками.

О, невоспетое Васюганское чудо! Ты, имеющее свой мир, своё измерение, в котором не уместны законы людские, ибо ты, подобно невообразимо гигантскому дикому зверю, возлегаешь посреди благодатной тайги с поросшей зелёной гнилью «пастью», затягиваешь в своё чрево всё живое, всё охочие тебе — от жирной твари, достойной плоти хищника, до крылышек малых мотыльков!

В твоём царстве трясины всё подвластно тебе! А как пузыришься ты, когда самонадеянный, в глупом бесстрашии, лось ломится во весь дух на мощных молодых ногах, шлёпая раздвоенными копытами по развёрзнутой пасти твоей, трубя во всё горло, не догадываясь, что этот вой — реквием по уходящей жизни его...

Но и на тебя, зверя, нашлась узда — зима! Она своими морозами, подобно стальным путам, сковала льдом бездонную пасть твою, не давая вдоволь насытиться, собирать урожай

плоти живой. И сейчас ты, огромный гигант, вспоминая о благодатном лете, со злобой кричишь, выпуская голодные пузыри, вонь из гнилого чрева своего...

...Бродяги, под ноги, под ноги смотрите: это хоть и лёд, да не простой — болотный, с хитринкой, словно хищник живой; не предугадаешь, где беда затаилась. Молитесь, авось пронесёт, — тихо шептал Прохор, глядя на соучастников по побегу из гиблой зоны, где каждый прожитый день многим оставлял рубец на душе и на сердце. Такие зоны звали «сучьими», где беспредельщики в сговоре с начальством и активом зоны творили то, о чём страшно даже вспоминать счастливым, которые смогли выжить и не сломаться, а остаться людьми...

— Идём-то верно? — и Прохор всмотрелся в измученные глаза Данилы.

— Ты сурок побожился, что это для тебя не проблема, ты ведь сибиряк!

— Не пацан, всё нормально, луна вроде как за спиной...

— То... тогда...

— Луна... Да... Коли ты толком говори, куда сколь идти? Или пёрышком рёбра пощекотать? Так говори, фраерок! — зло, сквозь зубы шипел вылетающим паром Клык.

— Хорош! Чё мне повторять? — жёстко, готовый кинуться в любую секунду, — вскрикнул Пахан, добавив: «Вперёд!»

Они прыгали с кочки на кочку, оставляя за собой грозящие гибелью метры болота, а мороз, крепчая, начинал сковывать и кочки. С такой силой, что казалось, они теперь прыгают по жёстким пням, вросшим в болотную топь, и от усталости уже чудилось, что это и не пни, а зубы грозной твари, открывшей свою поганую пасть...

Шаг, десять, сто... Ноги от усталости немеют, слабнут. Вот, вот, уже край, прыжок, ещё рывок, и Прохор, надрывая сердце, чуть собравшись, перепрыгнул заледеневшую с пустотами лужу и, почувствовав твёрдь под дрожащими ногами, вскричал:

— Слава Богу! Вроде самое страшное прошли! — но неожиданно за своей спиной Прохор услышал всплеск воды и вроде как крик...

— Клык, ты? — спросил Пахан, помогая выбраться Клим на сушу.

— Я, Пахан, а ты, я погляжу, Бога вспоминаешь, уверовал что ли? — ехидно улыбался он.

— Не скаль зубы, выбью! И Бога не трожь, не насмехайся! Он — моё спасенье, и лишь им и дочерью я жив!

— Проша, да ты что, я ж не со зла!

— Где Данила?

— Да где-то там... — и Клык махнул рукой во мглу болота. — Прохор, он же даже не фраер, так что! Где это видано, чтобы вор ценил жизнь фраера, не говоря уж о чмошниках!

— А ты сам кто? Ты не человек, порода твоя сучья, кто тебе дал право судить, чья жизнь ценна, а чья так, вскрик в болоте? — и Пахан плюнул ему под ноги.

— Не кипятись, Саблин! — так же жёстко ответил Клим. — Он знал, на что шёл, и я ему не Христос-Спаситель, но по водам шастать за ним не буду!

— Падаль! — воскликнул Прохор и рванул назад, в зияющую тьму. Пахан заметался по кочкам, вглядываясь в хлюпающую темноту зловонного болота. Он, рыча, подобно зверю,

искал ту полынью, куда бы мог провалиться бедолага; он прислушивался к болотной тишине, силясь услышать зов о помощи, но всё было тщетно!

— Боже! — от отчаянья и усталости вскричал он. — Не желал я смерти ему, будь я проклят, не вру тебе, помоги! — и, сорвав со своей головы ушанку, устремил взгляд в тёмные небеса, где сквозь редкие облака светилась серебром яркая луна. — Госпо...!

И вдруг что-то ледяное и острое захватило его правую ногу, начав тянуть его в топь! От неожиданности Прохора охватил страх, и, всмотревшись себе под ноги, он увидел тело адской «змеи», пришедшей за ним из самой бездны, которая тянула его с невероятной силой в своё царство ледяной трясины!

— Господи, за всё прости! — крикнул Саблин и, присев, ухватился двумя руками за тело «змеи»; и в тот же миг осознал, что это рука... Данилы, и выволок его, дрожащего, Данилы...!

— Фу, ты черт болотный... напугал...! — и выволок его дрожащего не могущего произвести от спазмов и слова, лишь шипение и кряхтение...

...Пахан, одумайся! — вздохнул тоскливо Клык. — Ну на хрена ты его выволок? — и Клим с холодком всмотрелся в Прохора, приводившего в чувство Данилу.

— Клык, ты рамсы не путай, с кем базаришь! Что за вопросы?! Кто ты по жизни, чтобы мне ответ перед тобой держать?! Утхни!

— Да это всё понятно, тебе решать... Просто бабы на Руси-матушке рожать не разучились; а, может, Пахан, ты его на харч готовишь, а? — и, заржав, как жеребец, скрылся в темноте.

— Ну чего, Данила, отошёл? — и Саблин всмотрелся в насмерть перепуганного и трясущегося человека, кивающего головой.

— Пахан! — крикнул из темноты Клык. — Ему кранты всё равно! Он мокрый, всё едино замёрзнет!..

— Надо идти и не останавливаться, только так можешь выжить, шпак!

...Свет видишь или это меня глючит? — Прохор, полуобернувшись, указал рукой Клыку на чуть мелькающий огонёк в предрассветном лесу.

— Да, Пахан, я тоже вижу! — и он направился к свету.

— Клим, Данилу взял и пошёл! — по голосу Клык понял, что не время артачиться, и, чертыхнувшись от души, приобнял еле живого Данилу, поковылял вслед за Прохором...

...Священник отец Фома, глядя на лик Христа на иконе, еле сдерживал биение сердца, готовый вот-вот кинуться на колени и разрыдаться, прося у Господа защиты от гонений власти, даже в глухой тайге.

— Господь Всемогуший, даже на краю земли не дают покоя ироды сатанинские! Но ради Тебя всё стерплю, только не дай испытаний сверх сил моих! Что я говорю? Прости и помилуй! — немного успокоившись, батюшка вспоминал, что накануне приезжал уполномоченный по вопросу религий из районного города и прямо сказал, отведя в сторонку:

— Слушай, поповское отродие! — и уже сквозь жёлтые, обломанные, прокуренные зубы, выплёвывая каждое слово, произнёс: — Молодёжь совращаешь, сказками потчуеть, сволочь? Смотри, оболью у проруби водой и твою святую статую пуцу под лёд, по течению, будешь рыбкам проповеди читать! — и неожиданно нанёс батюшке сильнейший удар под дых.

— Но, вскрикнув и чертыхнувшись, присел от боли, ибо угодил в наперсный крест священника.

— Лучше сам, собака, закрой свой приход! Это и совет, и последнее предупреждение!

— Господи, да какая молодёжь? Самый бедный приход...

— А ты посмотри, тварь, что твоя вера со старухами делает! Они ж безумные! Пока я здесь, круглосуточно охраняют церковь...

— Я тебя предупредил, поп!

...Вот и сейчас отец Фома встал напротив иконы. В одной руке держа церковную свечку, а в другой, дрожащей руке, меж большим и указательным пальцами догорала серная спичка, но он так и не решил, зажигать или нет, свечу! Всё едино донесут, и в последний миг успел зажечь свечу, обжигая пальцы. — Кто ходит во свете, тот не преткнётся! — прошептал он...

— Во, теперь ясно вижу свет! — Клык, оскалившись подобно зверю, отбросив от себя Данилу, словно хищник на мягких лапах, подскочил на крыльцо избы и прислушался, дёрнув за ручку, понял, что дверь закрыта на засов, и, осмелев, громко кулаком постучал в дверь, про себя отметив, что изба стоит на отшибе небольшого села...

— Открывай, хозяин! — или я тебя запалю, — подумал он.

— Иду, иду! — воскликнул священник, отпирая запор на двери.

— Спал, что ли, хозяин? — усмехнулся Клык, толкая батюшку в грудь, по-хозяйски входя в избу...

— Зенки не пья! — воскликнул Клык и, посмотрев боковым зрением на Прохора, спокойно черпающего деревянной ложкой постные щи, добавил: — Крутишься, метаясь глазёнками! — зло зашептал он, глядя, как тринадцатилетняя внучка священника с явным любопытством мельком взирает на неведомых пришельцев, разогревая в чугушке перловую кашу.

— Клочков... Клык... — ткнув в бок пальцем и сдавив с хрустом кисть Клима, прошептал Пахан: — Ты куда заглядываешься?

— Харе, Пахан, отпусти, это не дитя! Да ежели моя голова да меж её титек попадёт, как орех раздавит!

— Мне что, надо повторять? Знай своё место, пёс! — зло выдавил из себя Прохор, не поднимая взгляда на принесённую кашу.

— За всё слава Богу! — сказал Прохор.

— Саблин, ты и сам-то остынь! — холодно и громче, чем необходимо, воскликнул Клык. — Это в зоне, в тюрьме ты пахан, а в побеге, да на свободе... мы равны, понял! Ты, авторитет! — и, нащупав рукой нож под телогрейкой и второй, поменьше, в подшитом, но уже просушенном в печке валенке, показушно засмеялся.

— Ну-ну, Клык! — и, посмотрев на Фому, спросил: — Хозяин, чё там с нашим парнем?

— Прохор, а ты чего шпака по фамилии не зовёшь? Меня назвал, я тебя... — и встав с лавки, воскликнул: — Поп, как наш подельник по побегу, Данила Шпак, себя чувствует?

— Плох он, немощен и застужен! — тихо отозвался Фома.

— Всё, Клык, собираемся, уходим!

— Добро, Пахан, вот это дело, нечего расслаживаться! — так зло прошептал сквозь зубы Клим, натягивая поглубже на уши шапку.

— Фома, батюшка, на пару слов! — Прохор подумал попросить попа оставить у него Данилу, как вдруг получил сильнейший удар ножом в бок... Изба, лавка, печка... Ошалелый взгляд священника, всё поплыло, как в тумане, запекло жаром в боку... Свет погас.

— Помогите! — Пожалуйста, не надо, дядечка!..

Прохор, очнувшись, тряхнул головой, разгоняя туман, укрывший пеленой глаза. Левый бок жгло огнём, но Прохор, преодолевая боль, прижав найденной, относительно чистой тряпичей рану, встал и пошёл, слегка шатаясь, на голос в сени. Увидел раздевшегося Клыка, который уже задрал подол девчонке и кричал ей со злостью в самое ухо:

— Замолкни, дура, если жить хочешь, паскуда!

Вне себя от ярости и забыв о своём ранении, Прохор с разворота ударил ногой в рёбра Клыка, вложив в удар всю ненависть, всю злобу... И от чудовищного удара Клим, чуть вскрикнув, с выпученными глазами начал оседать на колени, пытаясь сделать спасительный вдох, смотря молящим взглядом на пахана.

— Нечисть, гнида! — вскричал Саблин, схватив с бревенчатой стены серп, и двумя руками вогнал его в шею насильника, повернув на половину оборота...

— Живой, что ли, батюшка? — Прохор рассматривал залитую кровью голову священника.

— Жив, слава Господу! Вот ирода обогрел, приютил... — совсем тихо шептал он, крестясь. — А я гляжу, и ты ранен! — и отец Фома указал на всё проступающую сквозь одежду кровь.

— Да-а, ничего страшного, нож прошёл по ребру и под кожу соскочил...

— По рёбрам?! — воскликнул батюшка. — Сам Господь отвёл руку Иуды, чудо! Видно, у Бога свои размышления, не доступные нам, грешным. Твой крест, твои испытания — пройди их достойно, Прохор, и милость Божию узришь, а я буду молиться о тебе.

— Благодарствую, отец Фома, на добром слове, да только не в словах имею нужду, а в помощи! Оставь пока у себя Данилу, ну куда я с ним, он в огне, лихорадит!

— Ну а ежели с Божией помощью поправится, ну и... как тот Клык начнёт... Я же сам, видишь, слабый...

— Нет, Фома, Данила с другого теста, он всех жалеет, оттого и страдал от всех в зоне... К тому же он местный.

— В ответе, Проша, будешь за него пред Господом. Скажу: работник с Еловки пришёл, да по дороге в полынью провалился, и лихоманка скрутила. Всё. Прохор, иди с Богом, не забижай людей, и Господь поможет тебе.

— И вам не хворать! — И Прохор взялся за ручку.

— Постой! — И священник, подойдя, всмотрелся в его глаза. — Иконка, образок Спасителя небольшой, пропал. Посмотри у этого Клыка, мне что-то боязно, вдруг живой.

Прохор, войдя в сени и обыскав недавнего кореша, в боковом кармане телогрейки обнаружил небольшую иконку в окладе с две ладони.

— Вот порода «клюквенная»? — и, входя в избу, Прохор взглянул в образ Христа и свет от свечей, и керосиновой лампы упал на оклад иконки, и золотой луч от света образа ослепил его глаза и сердце.

— Да, оклад медный, а этот... позарился... думал, золото, — прошептал Фома.

— Боже мой! — вскричал Пахан, и жгучие слёзы покатались по вздрагивающим, давно не бритым щекам, и в два прыжка, оказавшись возле попа, схватив и тряхнув его за грудки, дрожащим голосом произнёс:

— Медная, говоришь? Тварь церковная, говори, говори, иначе руками разорву! — ревел взбешённый Саблин. — Это золото и камни не простые, это семейная реликвия!

— Да успокойся ты, я за неё две четверти самогона, да четыре фунта сала отдал! Охоло-
нись, не натвори бед, кто ж мог знать такое?

— Так это твоё?

— Где он живёт? Где эта мразь окопалась?

— От меня за околицей, в селоходишь — третий дом справа, меня-то, как бирюка, на
отшибе поселили.

— Я покажу, но сначала остынь, потом пойдём! Ты мне поведай про иконку-то, сон мне
был, что рублём царским я откупаюсь. Нашёл и берег его! А за что, было не понятно, сейчас
понял! — и священник полез за иконостас и из щёлочки достал серебряный рубль.

— Возьми, не побрезгуй — Николаевский!

Прохор покрутил монету.

— На что она мне?

— Не отказывай мне! Да про иконку, ради Бога, не томи, поведай...

... — Я прошу вас, солдатики миленькие, у меня больше ничего нет! — женщина лет
тридцати, держащая за руку мальчишку лет семи, слёзно зывала к конвойным красноар-
мейцам, ведущих колонну осуждённых «врагов народа», уголовников и раскулаченных, на
погрузку в товарные вагоны, переделанные для перевозки заключённых, следовавших в далё-
кую Сибирь. Кого в тюрьмы, в зоны, а кого и в ссылку на Севера.

— Пошла, встала в колонну, паскуда, видно сразу — из бывших интеллигентов! — и
конвоир с силой ударил её кулаком в лицо. Но она с трудом, но устояла.

— Я молю вас ради всего святого, вот посмотрите! — схватила за рукав ближнего крас-
ноармейца, давая что-то.

— В колонну встань! Ещё шаг — и стреляю, тварь буржуйская! — взревел конвоир.

— Егор, чё там у тебя? — воскликнул старший конвоя, сверяя списки, фамилии, дела.

— Да вот, командир, сволочь, икону мне тычет.

— Дай-ка гляну! — и вырвал из её рук иконку в золотом Окладе, украшенную красивыми
и дорогими камнями.

— Это семейная икона, наша реликвия! — прошептала она.

— Семейная? — ухмыльнулся он. — А это значит, ваш родственник? — и хохот конво-
иров разнёсся над колонной...

— Отец... Небесный! — строго прошептала женщина.

— На себе прятала?

— Да, это всё, что осталось от семьи.

— А от меня чего хочешь?

— Мальчика сдай в милицию, мол, потерялся. Мой потерялся! Он до Севера не доживёт, больной, астма, задохнётся! — соврала она.

— Это можно! — и, обернувшись: — Егорий, отдай пацана постовому, потеряшка, и осторожно... Он больной? — и, пнув пацана, медленно достал наган и, глядя в глаза, произнёс, шепча ей:

— Вы все больные, буржуазией! — и выстрелил ей в грудь...

...Она лежала около рельсов, в пяти шагах от идущей колонны, и собаки конвойных с рычанием дёргались на поводках, стараясь вонзить клыки в её прерывистые вздохи умирающего тела, и в них она затихла...

— Кто выйдет из колонны, будет считаться в побеге! — кричал начальник конвоя, сделав для острастки ещё два выстрела в воздух.

— Побег, побег! — кричали на станции гражданские, смотревшие на заключённых: кто закричал им проклятия, плюнув вслед, а кто смотрел с сожалением, в страхе опуская глаза, шепча молитвы...

И никто уже не обращал внимания на милиционера, ведущего за шкирку рыдающего и вырывающегося мальчика, кричащего из последних сил:

— Нет, нет, мам... Мама...

...Саблин с семенящим за ним попом уже подходили к тому дому, который указывал Фома, и неожиданно, и совершенно непонятно откуда-то из темноты выскочил милиционер с револьвером в руке с криком:

— Стой, падла, стреляю! — и выстрелил. Саблин, падая от удара в грудь, повторял в памяти: «Третий дом справа». Как потом его волокли по рыхлому снегу за ноги милиционеры, как, связав, погрузили в сани под смех и возгласы, он плохо помнил...

— Да не гони, Пантелей, всё одно по дороге сдохнет, не от раны, так от мороза.

А потом была темнота, бездна, поглотившая его, но он выжил...

Клюквенники — ворующие из церквей.

Четверть равна 3 литрам 75 граммам (русская мера).

Прошло четыре года! Сибирь. Зона.

«— Пахан, пахан! Там этап с централа пришёл! — воскликнул смотрящий по бараку, Геша Колыма.

— Воры есть?

— Не пахан, я бы сразу сказал! — и, поднявшись, добавил: — Одни фраерюги и так, черти...! А ещё дед, вроде, топ, но он с централа, его подрезал кто-то, еле живой.

— Опроси там фраеров, чё за дела с дедом? На централе чё беспредельщики объявились? Почему тогда смотрящий не курсанул жуликов!

— Всё сделаю, батя!

— Да, Геша, потом проконтролируй, что б этап по мастям раскидали, беспредела не терпи, я тебя на барак поставил смотреть...»

«...— Пахан, пахан! — тряс за плечо уснувшего Прохора Геша.

— Говори, Колыма! — не оборачиваясь, произнёс он.

— Там этот поп копыта откинул!

— Подробности, Геша, не тани вола! — недовольно пробурчал Саблин.

— Вообще, деда этого пырнули в живот, кто и почему тебе отписали, но Серёжа Гном угодил в карцер с „малявой“, десять суток, следующим этапом придёт! Священника звали отец Фома, короче, за Бога сидит, и что одному на уроке помогал в побеге...

— Что-о? Где он?!

— Где, где, в санчасти, под лестницей, как обычно!

— Пусть санитары обмоют его, ну там помолятся... Через час приду, проверю!..»

«...— Ну, здравствуй, Фома! — Саблин подошёл к покойнику, лежащему на лавке. — Жаль, что не встретились, на всё воля Бога! — и, взяв холодную, почти мальчишескую руку священника, раскрыв ладонь, вложил в неё тот самый царский, серебряный рубль, с глубокой вмятиной от револьверной пули милиционера.

— Там на небесах... поблагодари... Спас он меня! — и, направившись в барак, крикнул санитарам: — Отнесите его на место, одежду и монету, что в руке, не троньте!

Обиженный санитар, заворачивая священника в облезлое одеяло, крикнул в самое ухо священника:

— Бери, бери, Харону заплатишь...»

Харон — перевозчик мёртвых через реку Стикс.

13 октября 1965 год. Москва: тюрьма Лефортово.

Гулкие шаги по тюремным коридорам и бесконечные вскрики «пупкарей» — лицом к стене, руки за спину!, лязг ключей, щелчки замков и тянущаяся гнётом неизвестность...

— Саблин! — вскричал надзиратель. — На допрос!

Странно всё это! — думал Прохор, пока вели его, петляя по коридорам. — Почему этапировали в Лефортово? Я не политический...

Спустя минуту Саблина завели в довольно ярко освещённый кабинет и усадили на прикрученный к полу массивный табурет, сковав руки наручниками за спиной. И потянулись длинные, тягостные минуты ожидания — неизвестно кого и чего.

Спустя полчаса в кабинет-допросочную вошёл довольно пожилой следователь в форме полковника К.Г.Б.

«Ничего себе! — пронеслось в голове Саблина. — По ходу будут „шить“ измену родине или шпионаж!» — подумал он.

Однако следователь, выкурив папироску, не обращая на него никакого внимания, сидя за столом, начал листать бумаги в огромной папке, что-то шепча себе под нос, и вдруг так громко и отчётливо воскликнул:

— Сказать мне ничего не хотите?

— В камеру отведи, не пацан я, спектакль мне тут устроил!

— А ты не дерзи, я предлагаю тебе самому покаяться.

— А у нас в стране, что Бог наделил ментов полномочиями принимать исповедь?

— Бери выше: народ и Генеральный секретарь ЦК КПСС! И грехи ваши убеляем трудом и раскаяньем в исправительно-трудовых лагерях.

— А-а! — заулыбался Саблин. — А я-то грешным делом подумал, что вы грехи убеляете снегом и льдом — на севере!

— Зря, я учту это!

— Хамишь, улыбаешься... Полковник, ты мне жути не гони, знаешь меня, я вор честный и закон чту!

— Какой закон, Саблин, ваш или наш?

— Закон совести! Слышал такое слово: совесть, порядочность?..

— И это говорит урка, дорюга, редко выходивший из тюрьмы?! Ты в уме, придурок? Или мне нажать красную кнопку, вот эту! — и полковник протянул руку к настольной лампе. — А у меня возле колена ещё одна! Тебя, рожа уголовная, измудохают так, что пропадёт желание даже жить и дышать, паскуда!

— Хорош, начальник! Давай к делу, чего звал? Или веди в камеру!

— Как ни странно, тебе надо заслужить...

— Э-э, забудь, Саблин, ты сейчас на распутье, и камеру, как и свободу, тебе надо заслужить!

— Не тяни резину, полковник, распутье, заслужить... Камеру... Я уже столько пятилеток в тюрьме, а за какие такие заслуги? Может, ты пояснишь?

— Засмеялся Прохор. — Умора, камеру, тюрьму, как награду надо заслужить!

— В твоём случае да, весельчак! — и следователь с лютой ненавистью устремил взгляд на арестанта и жёстко добавил: — Даю тебе слово офицера, тебе будет «вышак», и расстреляют после приговора, в твоём случае — без очереди, обещаю... Если...

— Да ты меня на понт не бери, я законы знаю и на мне ничьей крови нет! Я не мокрушник и не зверь — отнимать безвинные жизни!

— Ну для тебя-то, Саблин, все кругом виновные!

— Поясни, начальник, в чём моя вина?

— Поясняю без подробностей! Убийство Клима Ключкова по прозвищу Клык, серпом в сенах, раз! Убийство Данилы Шпака, он был свидетелем убийства Клыка! Шпака ты утопил в ледяном болоте! Внучка священника подтвердила: «Два!» И по твоей «малыве» зарезали

священника Фому Дерябина, ты указал, что бы его, истекающего кровью, привезли в твою зону, и, придя в санчасть, ты его раненого задушил, вложив в руку серебряный, дырявый рубль, прокричав в ухо: «Мол, уплатишь Харону за переправу!» Вот тот рубль, который арестанты видели у тебя, вот «малява», вот допросы санитаров! Три убийства! Что, не весело, а, Саблин? Чекисты работать умеют! — кричал с пеной у рта следователь.

— ...Это хрень, начальник! Я удивлён не этой липой, я поражён, почему Комитет государственной безопасности занялся этой уголовщиной? После этого кружка Саблина, следователь «завис» с открытым ртом.

— Чего рот раскрыл? Очнись, начальник!

— Как же ты, Саблин, ненавидишь Родину! Советскую власть!

— И это ложь, ибо я полюбил Бога, а любая, даже ваша власть, от него — и не мне судить о ней, хороша она или плоха! И Родину с этой властью, в отличие от многих, я не предавал, какая есть, но она моя. Пусть даже и приговорит меня к смерти...

— Тебе, Саблин, принесут сто грамм водки и покурить, это подарок тебе, на прощанье! Сегодня хороший день для смерти! — и, встав, полковник начал собирать бумаги в папку и, посмотрев в глаза Саблину с наигранной грустинкой, добавил:

— Прохор, поверь, мне искренне жаль, что ты вместо того, чтобы пойти мне навстречу, пооткровенничать про твоих «родных», про то, про сё, ты дерзил и вынудил применить к тебе принудительные меры по защите социалистических завоеваний! А пока выпей, покури, если надумаешь сотрудничать, нажмёшь эту красную кнопку!

— Начальник, примерь её в свой зад, как прижмёт — нажми, полегчает! А потом покуришь и остограммишься!

— Что ж, ты сделал выбор, я сейчас же направлю документы о применении к тебе исключительной меры по защите Советского общества, да, от тебя, гнида, завтра лично генералу...

— Слава Богу, что не в твоих полномочиях распоряжаться жизнями, в том числе и моей! — сухо ответил Саблин.

Но полковник, зло заулыбавшись, громко воскликнул:

— Тебе, урка, осталось жить день! Даю слово офицера!

— Что ж, Бог и день моей жизни может сделать как век, — умиротворённо прошептал Прохор.

— Саблин, да ты никак и Библию читал? Но там другое сказано! — и, взяв из выдвинутого ящика стола конфискованную книгу у священника, с которым имел беседу и который цитировал именно второе послание Петра 3:8, полковник громко произнёс: «У Господа один день как тысяча лет!»

— Тем более! — засмеялся арестант.

— А при чём здесь ты? — и, подумав, добавил, собирая бумаги: — У тебя остаются минуты, которые могут изменить твою судьбу! Не пойму тебя, Саблин, ну что ты видел в своей поганой жизни? Ничего! — и, еле сдерживая гнев, добавил: — Вот сегодня вечером я со своей супругой идём на премьеру в Большой театр, лицезреть прекрасное искусство! ... Молчишь? — и, скрипя зубами, когда гримаса гнева искривила лицо, заорал в бешенстве: — А ты, мразь, вернёшься в камеру, и до конца недолгой жизни будешь взирать только на свою обоссанную парашу! — и, нажав красную кнопку, крикнул конвойным: — Уведите эту падаль! Не кормить, не поить!..

...И уже сидя в ложе Большого театра среди своих коллег, взирая на великое, полковник не мог найти покоя от ничтожного, по его разумению, и, склонившись к уху супруги, сказал:

— Дорогая, совершенно забыл, долг чести, слово офицера, надо срочно отвезти документы в управление на подпись генералу.

— Сергею Платоновичу? Передай привет его супруге, Антонине...

Пупкарь — надзиратель в тюрьме (тюремный сленг).

Секретна комната совещаний в Лефортово — ночь того же дня.

...Так, товарищи, кандидатуру Саблина на должность командира группы одобряю: крепок духом, не боится смерти, в случае захвата инопланетянами без боя не сдастся! Прошу голосовать!

— Но, товарищи, руководитель, мы не обломали его гоно́р! Он там... может дел натворить и дров наломать!

— Не согласен с вами, товарищ начальник третьего отдела. Во-первых, там нет дров, во-вторых, он явно дал понять, что не предаст Родину даже под угрозой смерти. И главное, у нас есть козырь — его дочь!

— Так Саблина срочно перевезти из Лефортовской тюрьмы на подмосковный спецобъект.

— И хочу сообщить главное: наш секретный проект «Марс» получил одобрение и полную финансовую поддержку от правительства. Поздравляю! С сегодняшнего дня вступает первая часть проекта «Отбор».

— Прошу немедленно предоставлять личные и уголовные дела кандидатов в комиссию по отбору! В конструкторском бюро Королёва вечером уже выслушали архивариуса от спецхрана.

— СЕБ —

ГЛАВА — 4.

Сентябрь. Москва 196... год

...Первое дыхание осени начали ощущать на себе остывающие от летнего зноя улицы и дороги столицы, и «златокудрая», овладев тронem под названием Небо в середине сентября, укутала весь окрест багрово-золотистой вуалью, ворча и кашляя холодным ветром на город, с недовольством, но царственно, расположилась на своём месте и, посмотрев с вы́сей на

землю, осень, подобно рачительной хозяйке, сдувающей пыль со стола, оставшуюся от прежней Девы-Лета, набрав воздуха, погнала по переулкам опавшие листья, и вновь вздохнув, дунула шквалом ветра и, засмеявшись, подняла пыль до небес, кружа в звенящей выси «усталый свет» уходящего солнца...

Вечерело и смеркалось, и вот уже яркие окна Москвы, чей и уличных фонарей, осветили ожившие проспекты, даря неповторимый уют городу, играя гирляндами вспыхивающих огоньков...

...— Видишь? — раздался голос Себа у самого уха Андрея, рассматривающего тихий московский переулок из-за угла арки жилого дома.

— Угу! — тихо прошептал Андрей, благодаря Себа, что тот не упоминает его идиотскую для пацана фамилию — Чмора, и осторожно поправив пёстро-серую кепку, надвинул её на глаза.

— Вот возьми! — и Себ внимательно, не сводя глаз с Андрюхи, протянул ему финский нож.

— Зачем, Себ? — нервно прошептал он.

— Затем, Чмора, меньше свидетелей — короче срок! — выдавил из себя он, в прямом смысле плюясь обидными словами.

— Так я и так, — прошептал Андрей, показывая сжатые кулаки с разбитыми в кровь костяшками.

— Шо так, шо ты ведёшь себя, как чмошник! — воскликнул озлобившийся друг. — Забыл, что на тебе два жмурика висят? Так что, тормоза отпусти, братан! Теперь живи вольно, без страха! — и, сверкнув в свете далёкого фонаря красными глазами, «Себ» исчез.

Андрей, отшатнувшись в страхе, не мог понять, что произошло, но он, почувствовав в своей руке финку, успокоился и осторожно, словно тень отделившись от тёмной стены, опустив голову и ускоряя шаг, начал нагонять гулявшую по проулку влюблённую парочку...

...— Ах, Серёжка! — лепетала молодая женщина лет тридцати, прижимая склонённую голову к плечу крепкого мужчины, на вид постарше её. — Как же давно мы не были в театре! — с лёгким чувством сожаления и милой улыбкой Галина крепче ухватила мужа обеими руками под локоть. Но Сергей неожиданно напрягся всем телом и чуть повернул голову назад...

Нет, он не видел в вечернем сумраке переулка ничего, но чувствовал опасность, что беззвучная тень где-то промелькнула за ними и затаилась! Ибо он, Сергей Лазарев, командир спецподразделения при М. В. Д. СССР, обладал поистине особым чутьём...

Вот и сейчас он вслушивался в шорохи и дыхания всего живого, несущего опасность.

«Есть!» — пронеслось молнией в голове Сергея, услышав прерывистое дыхание, хрипы и замирающие шаги. «Так... куряка, несёт табаком, он рядом!» — вспыхнул инстинкт, и Сергей, резко развернувшись совершенно неожиданно для подвыпившего Андрея, сжимавшего финку в руке и готового вот-вот нанести удар в спину, как запястье, осушил резким ударом ребром ладони по руке, и сразу же — удар в предплечье, и каток, и, не дав опомниться падающему и теряющему сознание преступнику, Сергей нанёс сокрушающий удар коленом в грудь.

«Ака-ы-а, ка-ы-а!» — сдавленно просипел Андрей, рухнув на асфальт, ища затуманенным взором «себя»...

Приехавший наряд милиции перегородил переулок, а склонившийся к лежащему телу младший лейтенант, убрал ладонь с шеи Андрея Чмора, воскликнул с улыбкой:

— По-моему, клиент, тю-тю!

— Что, смешно? — с железными нотками в голосе произнёс Сергей.

— Прошу прощения, товарищ майор, смешного здесь нет! А если честно, результат ожидаем. Этот гад, — и младший лейтенант ткнул в бездыханное тело Андрея, — за месяц третье нападение с жертвами. Это Андрей Чмора, судим, до сего дня был во всесоюзном розыске. Мы дважды приезжали на квартиры, где он укрывался, но за считанные минуты до нашего визита он уходил дворами, словно сам чёрт его предупреждал. По-любому, майор, ему высшая мера!

Подъехавшая скорая помощь уже с полчаса возилась с телом Андрея, но врач, подойдя к работнику прокуратуры, заявил:

— Я, товарищи, отказываюсь фиксировать факт смерти!

— Что-о-о?! — возмутилась вся милиция.

— Невероятно: перелом основания черепа, отсутствие дыхательных сокращений лёгких, но он больше жив, чем... — и, закулив, добавил: — Поразительная живучесть!..

— Нет, товарищ, он вас не слышит! — разобрал далёкий голос Андрей Чмора, лёжа на больничной койке, пристёгнутый наручником к дужке кровати. Но неожиданно он осознал, что теперь не только слышит, но и видит человека в милицейской форме с папкой подмышкой и стоявшего рядом с ним человека в белом халате, в очках тонкой золотой оправы и с козлиной бородкой, сильно побитой сединой.

— Это совершенно точно, пациент в глубокой коме? — начинал нервничать доктор. — И вообще неизвестно, выйдет он из неё когда-нибудь!

— Доктор, вы плохо знаете преступников, этих мерзких нарушителей основ коммунистической морали! — Некоторых приходилось откапывать и второй раз стрелять, отрубать руки и сжигать.

— Зачем? — опешил доктор.

— Бывали случаи... Но только между нами, ибо вновь сворованные кошельки находили в их могилах!!!

— Понятно! — и доктор поискал взглядом санитаря, но, не найдя, продолжил: — Только не в нашем случае! Вы поймите, перелом основания черепа... ну... ну, в общем, затылок лопнул, гематомы... давят... на мозг, шейный...

— Док, это я понял, а наручники зачем снимать? И почему вы говорите так тихо, если он нас не слышит?

— О, олух царя небесного! — взвился человек с бородкой и, достав из кармана белого халата толстую медицинскую иглу от капельницы, с силой начал тыкать пациента в ступни, лодыжки, бедра...

— А под ногти? — попросил работник милиции.

— Ну это только если сами и у себя! — возмутился док.

...— Странно! — пронеслось в голове лежащего Андрея. — Мне совсем не больно! А может, игла бутафорская? Или профессор... Маш? Нет, бред, нашим в падлу носить такие бороды! — размышлял он...

...— Н-н-нда, убедительно! — совсем тихо произнёс человек в милицейской форме. — Под вашу личную ответственность! — и, склонившись к дальней от себя дужке кровати, повернув ключ в наручнике, начал освобождать руку, одновременно давя коленом на лежащую вдоль тела свободную руку, всматриваясь в закрытые глаза преступника, ожидая увидеть хоть какую-нибудь реакцию.

— Может, вам топор дать? — не выдержал сцены док.

— Зачем? — не понял милиционер.

— Так вам не впервой руки отрубать!

— Не дерзи, дедушка, я при исполнении!

— И я тоже, уважаемый! — примирительно произнёс доктор, беря сотрудника под руку и вместе с ним покидая палату интенсивной терапии...

— Ух ты, пронесло, получилось! Так надо не выдавать себя, лежать тихо, вдруг «пасут». Дождусь ноченьки моей и через окно рвать когти, что есть силы! — сладостно мечталось Андрею. — Сорваться с «вышака» — это удача, моя удача! Но почему нет «Себа»? Ладно, пока этих гадов не слышно, надо незаметно под одеялом размяться...

— Чёрт! Не понял, они мне что, препараты вкололи? — и неожиданно, словно вспышка яркого света, пришло осознание, что он не моргает, что веки его закрыты и не слушаются, но он видит всё вокруг и самого себя, лицом к лицу, — и тьма окутала его сознание...

...Ночь? Ну конечно, это ночь, фу, страшновато показалось... Но почему не видно даже искорки света? Ну хоть мерцание звёздочки в окошке? Да и где оно, само окошко, и почему мне так тесно? Будто они завернули меня в одеяло, или связали? Раскусили? Твари, я всё равно не дамся им! — и впился зубами в свои путы, сдавившие его тело.

— А-А-А! — взревел Андрей от боли, ибо кто-то, или что-то, вгрызлось в его грудную клетку изнутри...!!

...И, придя от острой боли в себя, ему почудилось, что он — паук: ладонями и ступнями ног упёрся в жидкие, подобно желе, стены, силясь из последних сил удержаться и не сорваться в пропасть бездны!

Дрожа и уже скользя по стене, Андрей вскрикнул:

— Где ты, мой бог? Помоги! — прошептал он, теряя надежду.

— Звал? — вдруг раздался голос сзади у левого уха. — Чего молчишь? Ты спросил, где твой бог, и я пришёл!

— Себ? Сволочь, ты?! Ну помоги же! — Андрей Чмора узнал бы голос своего «подельника» из тысяч.

— А чё помогать-то? Сам вылазь! — рассмеялся он.

Странно, но Андрей, выгнув спину мостиком, легко, словно змея из кожи, вылез из собственного тела наружу. И, обернувшись назад, увидел себя лежащего с закрытыми глазами, но пустого, подобно кукле без души.

— Ну чего уставился? Себя не узнаёшь? — рассмеялся Себ, видя оторопь друга.

— А ты оботришь от крови, — улыбаясь, продолжил Себ.

И Андрей стал водить ладонями, пытаясь вытереть кровь с груди, но почувствовал лишь слабый ветерок от бесчувственного касания. «Ничего не чувствую, отлежал всё... Что ли?» — пронеслось у него в голове.

— Мозги ты себе отлежал, идиот! — расхохотался Себ на всю палату.

— Да тише ты, придурок, людей разбудишь!

— Придурок??? То зовёшь меня богом, а теперь придурок? — и Себ с силой ударил его по щеке. — А ну, пошёл в свою обоссанную шкуру! — злобно закричал он, оголив в злобе клыки.

И Андрей от увиденного, пребывая немного в шоке, покорно забрался в раскрывшуюся грудь своей плоти...

...Утром врачи совершали обход, и Андрей, затаившись в своём теле, видел каждого из них и слышал так отчётливо, что боялся и трясся всякий раз, когда кто-либо из них склонялся над ним, тыкая в плоть тупые спицы, силясь понять, жива ли она? А он более опасался, что бы они не заметили именно его в этой кукле!

И вдруг один из хитрейших, с раскосыми глазами, подобно коту, начал как-то странно принюхиваться и приложил свои пальцы к его горлу, и тогда Андрей начал бить своей костяшкой указательного пальца по внутренней мякоти горла, имитируя пульс, чтобы его не посчитали умершим и не зарыли или не сожгли — что решали... Но врачи, тихо шепчась, уходили, и было не ясно, что решали...

А ночью он вновь покидал свою плоть-убежище, осторожно ступая, казалось, босыми ногами, которых не было, но появлялась невыносимая боль в самих ступнях, словно с них содрали живую кожу!..

...И вот однажды, в один из дней, покинув своё убежище, Чмора, преодолевая ужасную, но пока терпимую боль в оголённых ступнях, решил навестить тех, по чьей вине он оказался в больнице. Но, чуть пройдя по, казалось, раскалённым плиткам пола процедурной, боль стала столь невыносима, что он еле сдерживал себя, чтобы не закричать. И тогда, стиснув невидимые зубы, обливаясь, казалось, разъедающим потом, он кое-как добрался до ординаторской и, обойдя дремавшую за столом дежурную медсестру, тихонечко выкрал поллитровую банку мази «Вишневого» и бинты.

Но, выходя из ординаторской, дверь предательски скрипнула, отчего медсестра, резко подняв голову со сложенных на столе рук, посмотрела сквозь Андрея сонными глазами и, моргнув пару раз, вновь уронила голову на стол. И он, выйдя за дверь, принялся за мазь с бинтами, но новая боль была такая, что почудилось, будто горячим, кипящим битумом оборачивают пылающие ноги!

И Андрей с криком сорвался, на бегу срывая бинты и стряхивая «бурлящую» смолу, и, уже теряя сознание, он ворвался в свою палату, рыбкой ныряя в почти бездыханную плоть...

...Летний вечер, крутя тонким вихрем за окном тополиную листву, своим лёгким шорохом и манящей волей разжигает чувство непримиримой ярости в мозгу обездвиженного тела. Так хотелось покурить, выпить, зажать девчонку в переполненном трамвае и прижаться к её спине в ситцевом платье, чтобы она явно почувствовала его силу и желание...

А сейчас — только в мечтах, идя бестелесным по тёмным переулкам Москвы, беззвучно проникая в воображаемый дом своего обидчика и...

«Сволочи!» — заскрежетал зубами Андрей от дикой злобы, наполняющее всё его обездвиженное тело, и, дождавшись тёмной ночи, он вылез из тела, ступая босыми ногами по раскалённому полу, корчась от боли всем своим естеством, идя к задней двери больницы.

— Как же больно, боже мой! Нет, я не дойду! — вскричал Андрей. — Помоги же, мой бог! Не могу больше!

— А придётся! — раздался голос откуда-то сзади.

— Себ, милый, ты? — воскликнул он сквозь катившиеся слёзы.

— Не трать свои силы, раб мой, тебе ещё назад в свою шкуру ползти! — громко ответил он.

— Назад? — опешил Чмора. — Но ты же мой бог, я понял, что Себ — это бес? И я твой! Ты всегда был рядом, но потом вдруг пропадал!

— Ты у меня не один дурачок, за мою помощь будет расплата, но это потом, когда-нибудь! Или тебе, чмошник, не нужна моя помощь? — и Себ слегка дунул на него, и в это мгновение бесплотная сущность Андрея испытала такую боль, словно огненная струя вгрызлась в живое тело.

— А, нет, нет, не надо! — вскричал Чмора, извиваясь тенью, прикованной к кузнечному горну. — Я прошу помощи, Себ, друг мой!

— Кричи громче, ты мой бог!

— Да, признаю, ты мой бог, мой бог! — кричал во всё горло Чмора, и Себ тотчас, набрав воздуха, дунул на ворох собранных дворником листьев, отчего они сразу же вспыхнули, оставив лишь пепел, закружившийся с пылью улицы в вихре ветра, собирая в единый ворох ветки и всю листву из канав и ухабов...

... — О звёзды, как же вы близко! — дерзновенно воскликнул Андрей, ибо он осознал, что с лёгкостью может коснуться каждого лучика, светящей в чёрной бездне звезды. Он как бы находился и на земле, и в то же время мог коснуться пальцем вытянутой руки любого острия луча! И, поддавшись острому чувству любопытства, он, игнорируя предчувствие тревоги и опасности, всё-таки вытянул бесплотную длань в даль, касаясь мерцающего изумрудным перламутром луча. И тот обжёг его сильнейшей болью, будто, проникнув в его сущность, оставил импульс страха от невыносимого страдания...

— Больно, раб? Очень? — спросил Себ.

— О да, мой господин!

— Зато в ногах нет боли!

— Да, Себ, боли в ногах вообще нет! — радостно вскричал Андрей.

— Так опусти свои презренные глаза, неблагодарный!

— Боже, как это возможно? — кричал Чмора, стоя по колено в пламени костра, полыхающего от листьев и толстых веток, которые со смехом подкидывал Себ.

— Я! — начал было Андрей, но Себ резко прервал его.

— Молчи, раб, ибо я закалил огнём твои ступни, а сейчас опусти свои ладони, не бойся, червь!

Чмора тут же исполнил его веление, беря ладонями горящие угли ветвей.

— Всё равно, Себ, больно как!

— А им нет? — грозно вскричал бес, тыча пальцем в пламя.

И Андрей, присмотревшись, явно увидел, как тысячи и тысячи разнудых в муках ртов лижут своими языками ему ноги и руки, прижимаясь горящими телами к его бесплотной коже, пытаясь на мгновение, на миг охладить свои тела, вечно корчащиеся в адском пламени...

— Нет! — вскричал в ужасе Андрей.

— Да не бойся, друг мой! Тебе туда ещё рано, но ты сейчас должен будешь сделать выбор! — и бес, раздвоившись, уже вещал ему в два уха: левое ухо трепетало от шершавого языка, которым бес слизывал кровь от двойного прокуса его клыков, нашептывая ему, что только месть охладит его горящую плоть и наступит умиротворение!

Но в правое ухо второй бес проникал ледяным языком в сам разум, пытаясь охладить и сердце, и остатки гибнущей души, нашептывая ему, что в этом огне листьев и веток без боли он может остаться, наслаждаясь муками и криками грешников, пока не придёт и его час...

— Мсть! Я выбираю мсть! — вскричал в страхе Андрей, и в этот же миг костёр под ногами разом погас!

— А! — вскричал Андрей от вернувшейся дикой боли...

— Чмора! — вскричал хохочущий бес. — Рассвет на носу!

...Андрей нёсся в свою палату, обгоняя ветер; в его голове молотом звучало слово «обход», и он должен, должен успеть влететь, впрыгнуть в своё тело! Дверь в больницу, лестница, коридор, палата, кровать...

— Успел! — выдыхая воздух из груди, воскликнул он. — Я не забуду врага и разорву его, только мсть успокоит меня!

— Невероятно, просто чудо! Посмотрите, Маргарита Павловна, дыхание глубокое, грудное! — закрутился потрясённый доктор с козлиной бородкой. — А пульс, пульс потрогайте, какое наполнение! — и, повернувшись к медбрату, сопровождающему врачей: — Голубчик, вот номер телефона следователя, сообщите, пациент... как его?

— Андрей Чмора! — воскликнула рядом стоящая санитарка.

— Сообщите, что Чмора пришёл в себя, пусть едет... Да не один, с нарядом милиции! — восклицал доктор.

— А пока, санитарочки, привяжите его да покрепче к кровати!..

— Я! А! О, Боже милосердный, помоги! — взвыл пришедший в себя Андрей, не в силах пошевелить онемевшим телом, но боль, боль в видениях явно отличалась от кошмарной боли живого тела.

— Ну ты и мразь, чмошник! Стоит лишь на мгновение отлучиться, ты сразу же зовёшь Его!!!

— Рычал в самое ухо разъярённый бес, — Вы, твари земные, никак не можете разобратся, для чего вам дана жизнь!

— Себ, но тебя не было!.. — начал было...

— Умолкни, тварь! Души таких же, как ты, идиотов, когда-то витали вне разума, балластом в мире беспредельного хаоса вселенной; потом Он избрал пустые оболочки, сотворённые Им, одарив их жизнью! И пока вы живы, всегда будете на перепутье, что выбрать: жизнь в наслаждении, в угоду плоти, с возможным наказанием когда-то потом, и то под сомнением, ибо оттуда из ваших никто не возвращался. Или: жизнь в испытаниях и муках, когда боль плоти вызывает к разуму — за что?! Когда потеря близких затмевает разум от горя, а сердце, ум, инстинкт человеческий кричит и требует отмщения, но ты не слушаешь свою плоть и разум, ибо ты веришь в то, что никогда не случится! Лишь призрачная надежда слов Его! Слабая надежда быть избранным, приглашённым в Царство Его!

Но кто побывал в этом царстве? Никто!!! Лишь видение Апостола Иоанна, от которого содрогается сердце любого здорового человека! Для нас беда лишь в том, что Христос приоткрыл вам дорогу сквозь бездну, что любой грешник может покаяться и быть прощённым! Но зачем это прощение именно тебе? Зачем? Чтобы принять боль и схлопотать пулю? Ха-ха-ха! А душа-то всё равно к нам! Ты сам видел языки пламени костра — это тянущиеся языки грешников, везде и всегда боль!

А я одариваю твою земную жизнь, плоть — удовольствием!

— Так чего и кого ты выбираешь, тварь?

— Себ! — закричал Андрей, что медсестра и санитарка в палате вздрогнули.

— Ты мой бог, и душа... моя... тебе!

— Так не зови Его больше! — и голос беса пропал...

ГЛАВА — 5

«РОЯЛЬ» для полковника

МОСКВА: 196... год

...Свинцовое с серым отсветом небо в канун октябрьских дождей смотрело весьма печальными, скучающими глазами на землю, впрочем, ему бы и впрямь извиниться перед живущими на ней, жаждущими света, душами людскими.

— А за что? — воющим ветром спросило чернеющее небо.

— Ну хотя бы за вселенский потоп, некогда погубивший землю живущих! — шептали души когда-то ушедших.

Но небо хмурилось, скрывая свою обиду за чёрно-серыми тучами, укрывая сплошным покровом от живущих золото солнечной вечности, словно крича земным:

— Придите, возьмите это золото и будете счастливы, а я буду посылать на вас стрелы леденящих дождей, ветры, срывающие крыши с ваших жилищ, волны — ураганом вторгающиеся на сушу, как испытание за дерзость иметь золото света! И не того тленного золота земли, за которое лишь покупают удовольствие, а «золото», за которое приобретают дары для вечности вашей душе!

И современный человек теперь, смотря на небо, прежде всего думает о погоде, забывая, что, пока есть дыхание живущего, разум и душа жаждет золота небесного.

О небо вечности! Для одних ты — приют молитв и мечтаний; для других — приют страсти и вдохновений; для третьих — мудрость, источник мыслей и дум! Но помните, земные, что небо всегда смотрит на вас своими глазами, и от этих глаз нет укрытий! Да пребудет стыд с грехом вашим!!!

...Примерно так размышлял Юрий Петрович, пристально вглядываясь в «глаза» неба, стараясь проникнуть в его душу, ибо, если Сам Господь создал нас по образу и подобию Своему, то ведь недаром Он чаще говорил о небесном, чем о земном, потому что там Его царство!

Уже наступил поздний час, и Юрий Петрович вновь внимательно взглянул на уже ночные небеса, где чёрные облака распластали свои крылья до самого горизонта, но появившееся облако вдруг напомнило огромную голову ворона. А луна начала походить на всевидящее око,

словно над ночной землёй зависла огромная чёрная птица, которая, повернув голову светящимся «глазом», всматривалась в него, в профессора Вермонта, в сердце.

Юрий Петрович от неожиданности резко отпрянул от решётки, и в это мгновение ему показалось, что таинственный «ворон» слетел с самих небес и понёсся огромным чёрным полотном, укрывая своими мрачными крыльями чуть виднеющиеся улицу и дальний проспект. В страхе своём ему казалось, что он слышит свист тугого пера птицы, слетевшей с небес.

Пересилив себя, Юрий Петрович вновь припал к сырой и холодной решётке своей камеры и обомлел от страха и оторопи, охватившей всё его тело, ибо огромный чёрный ворон теперь восседал на подоконнике со стороны улицы, боком к нему, и внимательно рассматривал его единственным, отливающим серебром глазом.

— Кыш, кыш! — неуверенно прошептал он, но ворон вознёс свою голову вверх и своим чуть крючковатым клювом с размаху ударил по каменной кладке возле окна камеры. И от удара клюва полетели горящие искры, но ворон и не собирался останавливать своё странное занятие.

— Раз! — отчего-то прошептал Юрий Петрович. А ворон странным образом, вновь запрокинув голову, с силой высек кучу искр из-под мощного клюва, разрушая камень.

— Два! — вновь произвольно прошептал узник, и ворон опять нанёс сильный удар по камню.

— Три, четыре, пять! — дрожащими губами шептал арестант, но неожиданно его мысли прервал стук железного ключа по обитой железом двери камеры.

— Вермонт, на выход! — до боли противный вскрик надзирателя разорвал тишину.

— Лицом к стене, руки за голову! — добавил с явной издёвкой стражник. И под лязг открывающейся двери узник воскликнул:

— Шесть! — и услышал стук клюва ворона. И именно когда конвоир, выведя его в коридор тюрьмы, рывкнул:

— Смотреть в стену, не крутить башкой, тупица! — тогда Юрий Петрович услышал седьмой удар клюва.

— Вот...

— Семь, семь... — обречённо прошептал он.

— Чего «семь», рожа арестантская? — опешил надзиратель, сильно толкнув в спину большим железным ключом.

— Как пуль в барабане! — с горечью обречённого, смотря себе под ноги, шепнул Юрий Петрович.

— Не спеши, сволочь, придёт время — тебе и одной хватит!

— Да, да... конечно! — шептал узник...

...— Значит, вы, гражданин Вермонт, признаёте, что состояли в тайном сообществе «Волхвы», с глубоким пристрастием изучая основы эзотерики с целью подорвать устои Советской власти в области идеологии? — и следовательно, прочитав лист допроса, лежащий перед ним, с кривой усмешкой посмотрел на уже бывшего профессора истории М. Г. У., теперь сидевшего перед ним с трясущимися руками и с разбитым от бесконечных допросов лицом.

— Меня расстреляют, — тихо и даже как-то по-домашнему, с теплотой в голосе, прошептал профессор.

— Я бы вас, интеллигентов... — зло вскричал следователь, но, взглянув в добрые и измученные глаза седого учёного, как-то смягчившись, произнёс, с чуть покрасневшими от стыда щеками:

— Ну, если честно, я... ну, не знаю! — как-то неуверенно прохрипел он.

— А это был не вопрос, любезный! — как-то неожиданно, а для следователя нагло, прозвучало это утверждение профессора.

— А, даже так? Ты что же, уже знаешь будущее? — оскалился следователь.

— Будущее не знает никто! Ибо Иисус Христос говаривал апостолам своим: мол, не ваше дело знать времена и сроки, и ангелам своим не открывал то Бог! Но свою кончину я знаю! — и, усмехнувшись, добавил: — Кстати, вашу тоже! — громко засмеялся профессор, и неожиданно для своих седых волос его смех как-то перешёл в истерический хохот.

— Значит, и мою тоже? Что ж, это действительно очень смешно?! — зло вскричал он, вскакивая со своего места. И вдруг следователь по важным делам, поддавшись внушению врага, схватившись одной рукой за живот, а другой закрывая ладонью себе рот, неудержимо заржал, проклиная в душе свою слабость, мягкость к арестованному.

— А вы, профессор, вообще музыку любите?

— Очень, особенно классику!

— Ну тогда слушай, рожа арестантская! — взревел следователь, включив радио на всю катушку, и, подскочив к профессору, с размаху ударил его по скуле, под дых, в нос, в глаз... И всё это под величайшее произведение Бетховена для фортепиано с оркестром.

— Вот тебе, вот! Вот тебе и «Лунная», и «Марсианская» сонаты! Теперь не смешно, Вермут? Или как там тебя...

А в это время у метро Таганская...

«...Семён, ради Бога не пыли, куды ты так, одну ноль-восемь „вермута“! Уж поверь мне, для нашего положения и исходя из возможностей на одиннадцать утра, даже „Биле-Минснэ“ по ноль пять — в самый раз!» И Мишка по прозвищу Губа, а точнее по фамилии, а ныне друг и собутыльник представителя жилищно-эксплуатационной конторы Семёна Мокроуса, с гордой осанкой, но трясущимися руками отсчитывал возле кассы овощного прилавка непослушные монетки, которые, подобно ртутным шарикам, никак не хотели цепляться за трудовые, чуть отёкшие пальцы с чёрной полоской грязи под ногтями.

— Коллега, а у вас случайно нет с собой ассигнации, то есть купюр, достойных наших требований в данном учреждении? — чуть приподняв подбородок, спросил мастер по установке и прочистке современных унитазов.

— К великому сожалению, товарищ, вчерашнее мероприятие не оставило в наших сердцах такие надежды! — быстро откликнулся представитель интеллигенции, не имеющий московской и как таковой прописки и места работы; в органах советской милиции их называли — бомжир*. Повернувшись к Семёну, выдыхая на него ядовитые пары вчерашних излияний, с трудом перебирая предательски постоянно сохнувший язык, пробормотал любитель плодово-ягодной продукции.

— Хоть капустки или огурчик на закусь возьмите, смотреть жутко, пьянь! — взвизгнула кассирша, рассматривая алкоголиков.

— Мой тоже допился, сейчас в психушке, в Белых Столбах, чертей ловит, белая горячка!

— Нам, мать твои разносолы, не по карману! — воскликнул Семён, сделав два глотка вина и передав бутылку Михаилу.

— Какая я тебе мать?! Вы меня старше! — поправив бюстгальтер на пышной груди, воскликнула со злостью кассирша и, уже смягчившись: — Возьмите по огурчику, так...

Похрустев огурчиком и уговорив первую бутылку, коллеги по утреннему состоянию, разлепив отёкшие веки, с улыбкой взирали васильковыми глазами на окружающий мир, в котором начали проявляться яркие краски жизни, и философский диспут обрёл совершенно новые оттенки в беседе.

— Михаил! — воскликнул Семён, испугавшись своего вновь появившегося звонкого голоса. — Все женщины загадочны, но объединяет их одно...

— И что же? Просветите меня, друг мой, — попросил Миша Губа, прикуривая папиросу «Прибой» и угощая ею и кассиршу.

— Ну, например, есть такая закономерность, что когда мужчина остро реагирует на женские прелести, пышущие жаром, — и Семён пристально посмотрел на глубокий вырез кофточки кассирши, — но, вздохнув продолжил. — Смотряна прекрасные формы, которые так притягивают взгляд! Щёки кассирши запылали, покрываясь алыми пятнами — то ли желания и стыда, а то ли от аллергии, но, сделав громкое глотательное движение, проглотив ком в горле, опустив глаза, Семён продолжил речь — с глубокого сопрано переходя на фальцет. И, видя, что на неё смотрят с вожделием, женщина, девушка обижается? Давая понять всем своим видом, что мужчина вторгается в её личное, даже интимное пространство.

— Ребята милые, одну минуточку! — и кассирша из-под кассы достала ополовиненную бутылку «Агдama». — Вот, пока промочите горло, без меня не продолжать беседу, я мигом! — и скрылась в туалете.

Прошло где-то семь-восемь минут, и наконец раздался звук спускаемой воды в чугунном бачке, и, как обычно, железная цепочка от бачка, ударившись об покрашенную стену тёмно-зелёного цвета, дала знак ожидающим, что комната «М. Ж.» сейчас освободится...

— Так вот, — продолжил Семён, — парадокс состоит в том, что если мужчина не реагирует на её красоту и притягательность, женщина, девушка так же обижается, ибо! — и Семён поднял указательный палец с грязным ногтем вверх, — ибо у женщины именно вспыхивает чувство, что её игнорируют.

— Получается, что они всегда обижаются? — спросил удивлённый глубиной вопроса Миша Губа.

— К сожалению, Михаил, так устроен мир взаимоотношений полов!

— Очень красиво сказано! — воскликнула кассирша. — Правда, я в конце чего-то не поняла!

— Бухнуть бы, ну... чего-нибудь? Хоть пива? Ласьон отуречный? — спросил Губа.

— Ну, если Семён встретит меня после работы в 21:00, то я приму соответствующие меры... И...

— Ведьма старая, да я до 21:00 сдохну два раза! — нервно вспыхнул Семён. — Давай сейчас, проститутка!

— Я сейчас милицию позову, бандиты грабят! — взвилась она и, достав из синего халата свисток, раздувая щёки и выпучив глаза, пыталась свистнуть в колпачок перьевой ручки...

Но спустя мгновение и осознав, куда дует, взяла тяжёлые деревянные счёты, погнав проклятых «интеллигентов» из магазина...

— А теперь, уважаемые слушатели, прослушайте выступление оркестра филармонии... Филармонии... Бетховен... «Лунная соната»... — послышался голос диктора из вдруг включившегося на всю катушку радио, под топот убегающих коллег по состоянию души...

— Уж лучше, как обычно, в подъезд! — вскрикнули в один голос бегущие по лужам собутыльники...

**Бомжир — без определённого места жительства и работы.*

Сталинская высотка на Котельнической набережной, подъезд, вахтёрша на полставки. Она же гардеробщица Малого театра.

«А ну пошли отсюда, алкоголики, тунеядцы!» — грозно воскликнула вахтёрша дома из квартиры № 18. «Ишь нашли себе место, бродяги!» — с явным пренебрежением, топая ногой и махая сжатыми кулаками, продолжала гневаться она.

«Мадемуазель!» — медленно и с пафосом произнёс Семён, пряча за спиной уже пустую бутылку, рыгнув в ладонь; вновь произнёс: «Ради Орфея первозданного, простите, но зачем же так грубо? Я, можно сказать, в этом подъезде представляю интересы жилищно-эксплуатационной конторы № 3 по Таганскому району города Москвы...»

«Му-да-мадемуазель», — еле выговорил Сеня.

Это волшебное слово остро подействовало на служительницу искусства, отдавшую всю себя в объятия великой Мельпомены на «своих» подмостках Малого театра. К сожалению, не в качестве основной жрицы, но, можно сказать, «поджричницы», ибо служила она, пока музе и лире, на подмостке раздевалки — гардеробщицей. И это «пока» длилось неприлично долго, и вместо достойной гримёрки её чаще можно было встретить в райсобесе, добиваясь дополнительных льгот за вредность!

Но, господа-товарищи-граждане, как известно всем, что театр начинается с вешалки, стало быть, она тоже причисляла себя далеко не к простым гражданам, подавая всевозможные дорожные одеяния — от генеральских шинелей с высоченными папахами до шуб из сенегальского тушканчика с кроличьей окантовкой от фабрики «Трёхгорная мануфактура».

«Евдокия Фёдоровна Штуцер!» — прошептала она. Звучит замечательно. И, посмотрев на Семёна, покраснела.

Возможно, пришёл тот самый момент, может, и единственный в жизни каждой женщины, когда мужчины замечают сокровище, загадочное и притягательное и начинают ценить её не только за ум, которым никогда не отличалась Дуня, она же Дуся. Хотя, частенько выполняя поручения, подслушивала мэтров сцены и их любимчиков, и любимцев — ну, это, безусловно, за отдельную плату, то есть отработывая однокомнатную квартиру 45 метров общей площади в высотке! Но это совершенно другая история!

А пока её стать... Ах, эта стать и пафос примы-гардеробщицы Малого театра! Её крашенные концентрата перекиси водорода волосы, украшенные мазками синьки, с локонами, ниспадающими каскадом пережжённых препаратом жидковатых волос, словно ручейками стекали на мощнейшие перси восьмого размера. И платиновый локон, чуть завиваясь, пытался скрыть мясистый картошкообразный нос с многочисленными красными прожилками сосудов!

А в довершение портрета поклонницы самого Орфея хотелось бы отметить толстые губы и всегда пылающие, налитые благородством щёки! Именно так: всё лицо в любое время года сияло восхитительными румянами от знаменитой парфюмерной фабрики «Свобода». А небольшая бородавка, но на самом краю века, не давала ей сомкнуть всегда бодрствующий левый глаз...

Кстати, Евдокия Фёдоровна театральные постановки смотрела только стоя, опираясь всегда правым плечом о стену, из уважения к всегда присутствующим в зале партийным работникам и куратору из соответствующего учреждения! Но злые языки, и, конечно, за её широкой спиной нагло утверждали, что филейные места нашей гардеробщицы Дуся, по прозвищу «Буфет», не помещались ни в одно театральное кресло.

— Ложь! Это наглая ложь! — визжала в ответ Дуня Фёдоровна, брызгая слюной, ища налитыми кровью глазами врага, вглядываясь в лица, надеясь увидеть источник злословия и поклёпа, но, как обычно, расправив форменный халат, зажатый в районе низа спины, со вставленным клином в районе огромной площади поясицы, величественно возвращалась в царство висящей одежды.

— Мадемуазель! — вновь ласково прошептал Семён, возвращая женщину из теней мрачных воспоминаний.

— О, моя Дульсинея! — и этот похмельно-грудной баритон Семёна возбудил вулкан, доселе дремавший в жерле грудной клетки, державший шестикилограммовые, колыхающиеся желанием «противовесы». — Вам, музе Парнаса, не пристало с вашим художественным вкусом, статью... — вновь распалялся Сеня, осматривая, словно ошупывая глазами, габариты живой жертвы постоянного потребителя майонеза и свежих булочек.

И поэтому жировые отложения монументального тела стеснялись протискиваться сквозь хлипкие двухстворчатые дверцы старенького лифта высотки.

— Может, прокатимся... — и Семён кивнул на ореховые двери отремонтированного грузового лифта.

— Быть может! — как-то странно прошептала жрица живого гардероба.

— Может, чем помочь? — вдруг вклинился в идиллию взаимоотношений полов Михаил Губа, буквально охладив вулкан страсти, и она, поджав отвислую губу, с недовольством прошипела в сторону разлучника:

— Дам трёшку, если погрузите пианино из 13-й квартиры в грузовик, что стоит у запасного выхода.

— Сударыня! — сверкнув глазами, оживился Михаил. — Добавьте пару рублей, и мы посадим вас на этот рояль, и вы, подобно белому лебедю, проплывёте мимо этих завистников и скалозубов.

— Деточка, за пять рублёв... Я тебя... со шпиля нашей высотки... Не беси меня, забулдыга! — и прима Малого театра, отжав нос двумя пальцами, сделала незаметный сброс... одёрнув этими пальцами полы одежды...

Аукцион, так неожиданно начатый, был резко окончен словами поклонницы искусств:

— Даю по рублю каждому, плюс моё угощение! Давайте, следуйте за мной в 13-ю квартиру! — прозвучало с угрозой.

— Третий этаж! — казалось, вздрогнули стены, и голос разнёсся эхом вслед поднявшимся друзьям. — Ждите меня, иду, сама! — И, словно кузнечные меха с бронхиальным сипом, начали приближаться к Семёну, поселяя в его артистической тонкой натуре предчувствия, надвигающейся опасности, но проклятый «зелёный змий» был сильнее и могущественнее любых предчувствий.

— Дорогая, я помогу! — вскричал он, стараясь выказать свои самые искренние чувства.

— Стой на месте! — и чуть тише: — Придурок!

— Так что, я иду?

— Да, терплю... Не сбивай мне дыхание! — Я уже... почти... всё!

— О, жестокая, да я б... нежно и со всей лаской! — вскричал Семён, когда красное лицо со взбухшими венами на лбу, висках и шее появилось на лестничной площадке третьего этажа, и, приобняв желанную, бесподобную талию, проследовали в квартиру № 13, ранее принадлежавшую до ареста профессору истории, гражданину Вермонту Юрию Петровичу.

— Так вот как выглядят райские кущи! — воскликнул Семён, рассматривая: вот уже во втором серванте не хрустальные вазы и праздничные сервизы, а самую натуральную амброзию — нектар богов! — в виде пузатых и тонких вытянутых бутылок, сосудов с заспиртованной змеей и всевозможными корнями, а также виски и портвейны.

— Вот повезло змеюке! — вскрикнул Мишка Губа, и казалось, что сперва он потянулся к горлу театральной фурии, но, увидев, сколько кожаных складок наплывами защищает источник скрипучего голоса, Михаил с дрожью в голосе и слезой в левом глазу прошептал:

— Я только обниму их... — добавив фальцетом: — И поцелую!

— Не смей! — вскричала встревоженная Муза. — Не смей даже думать об этом! — И, задумавшись, чуть растягивая слова, прошептала: — Если только за деньги...

— В долг, милая! — воскликнул очнувшийся от своего полёта фантазий Семён и, приобняв, хотел приблизить её, но, осознав, что в данной ситуации это не просто, сам приблизился к пышущему жаром телу, зашептав что-то в огромную, отягощённую серьгой в виде красной жемчужины, размером не уступающей шарик для игры в настольный теннис, ушную раковину.

— Ну отстань! — сказала же: — За деньги! — Да...

— Хоть по напёрстку, но в долг? — не унимался Семён, пытаясь губами снять серьгу, но проклятая жемчужина не помещалась в его рот.

— Тебе плохо? Что ты там сосёшь? Ты задыхаешься!

— Тьфу ты! — выплюнув жемчужину, Сеня свободно вздохнул. И Дуся, увидев физические и уже моральные страдания кавалера, чуть смягчилась прошептав — Сейчас по полтишку

и после по сто грамм, но самогона? От бабушки из 10-й квартиры осталось, царства ей небесного, светлой души был человек! — хотя самогон всегда мутный продавала!

...Крякнув и передёрнув плечами, отказавшись от протянутой конфетки-леденца «Театральная», Семён и Миша Губа ступили на ковёр, направляясь к пианино «Веккер».

— Стойте! — вскрикнула с дрожью в голосе гардеробщица. — Снимите ботинки, потом оденете, это же ковёр, «Русская красавица»!

— Послушай, красавица! — грозно возмутился Михаил. — Нам уж точно будет проблематично, неся рояль, одевать ботинки!

— Ладно, только не топайте! — Так, так, по кайме идите! Да не следите же! — вскричала она.

Семён, смотря на Михаила синеюще-багровым лицом, с явно вылезающими глазами, пропуская воздух сквозь сжатые губы, тряся коленками, не мог двигаться дальше. А Михаил, с удивлением взирая на метаморфозы с лицом друга-собутельника, спросил:

— Ну что, взяли? — и начал поднимать свой край пианино. Но Семён, рухнув на колени и еле дыша, вскричал:

— Да ты охренел, я его что, один нёс?!

— Так с моей стороны ролики, пока они катились, я шёл, а сейчас встали! В чём проблема, коллега?

— Губа! — разозлился Семён. — А ты не мог раньше сказать про ролики?

...Во входную дверь пианино ну никак не проходило. И Муза вдруг вспомнила, что, когда профессор въезжал в эту квартиру, эту «рояль» поднимал подъёмный кран на балкон!

Гардеробщица буквально на минуточку отошла, а спустя мгновение уже волочила за собой альпинистское снаряжение, вооружившись непонятно зачем ледоколом и ботинками на огромных шипах. Но запах, этот предательский аромат заграничного мыла уже витал в гостиной, а опущенные глаза «горных стропольщиков» вселяли в «тигрицу» опасение, что «почти» её собственность может быть потревожена!.. Надкусана... то есть надпита!

И почти бесшумно пройдясь мимо сервантов, Дуся-Буфет, выдохнув, успокоилась.

— Ну, гаврики, вяжите, рояль будем спускать! — и ещё острограммила сияющие решимостью физиономии грузчиков.

— Ты умеешь вязать эту «рояль»? — с надеждой взглянул в окосевший взгляд коллеги Сеня.

— Я стропилил и лазал по горам ышо тоды, когда твой папа писал в штанишки! — и сам удивившись ответу, воскликнул Миша.

— Как раз этот факт и смущает! — съязвил Семён, но Губа уже широким размашистым жестом распахивал огромные двери балкона, а спустя короткий промежуток времени пианино знаменитой фирмы «Беккер», скрипя канатами, зависло за балконным ограждением, обмотанное хозяйскими простынями, подобно мумии египетского фараона.

— А ты, Миша, за что, мой конец привязал? — Чё-то люфтит! — удерживая одной рукой трос, а второй отпивая из бутылки «Мадера», занюхал дрожащим рукавом Сёма, отдавая бутылку с вином коллеге.

— Так за педали, брат! — и Михаил, отхлебнув, вернул с натугой бутылку назад.

— Походу, щас газанём!

— Или тормознём! — захихикал Губа.

— Что за смех? — зайдя, гардеробщица оценила положение. — Вы мне аппарат не поцарапайте! — воскликнула она.

— Всё будет тип-топ, главное, чтоб такелажа хватило! — деловито добавил Миша, примеряя к альпинистскому снаряжению дополнительно старые кальсоны профессора...

А перед этим в следственном управлении:

— ...А, товарищ Дуб-Быков! Рад, рад, полковник!

— Простите, товарищ генерал, я Бык-Дубов, часто путают с однофамильцем! — опешил следователь.

— Всё равно заходите! — и генерал Баракарин с улыбкой указал место на пуфике. — Простите, другая мебель на переучёте. Садитесь.

— Вызывали, товарищ начальник следственного управления? — разлилось странное эхо из-под стола.

— Вы что там, легли, полковник?

— Что вы, что вы! Я на пуфике, товарищ генерал!

— Ладно, сидите! Ну что ж, порадовали вы меня, товарищ полковник, лихо ваша следственная группа раскрутила этих «волхвов»! Надо же, профессор истории, а оказался враг! Благодарю за службу, товарищ Бык-Дуб!

И тот, вдруг вскочив с пуфика, метнулся к двери и на полусогнутых ногах, встав на ковровую дорожку, чеканя шаг, направился к генералу, который в это время, прихлёбывая горячий чай из подстаканника, строя кислую мину, обсасывая дольку лимона, поперхнулся, увидя серьёзное лицо полковника, отдающего ему честь без головного убора.

— Служу...

— А вы с придурью, хоть и молодец! Всё бы так! — и генерал, повернувшись к столу, выдвинул ящик и, копошась, произнёс: — Я не знаю, как отнесутся коллеги по главку, но принято решение... премировать вас жилой площадью!

— В смысле, товарищ Карабарин? — опешил полковник.

— Вот вам ключи, ордер на вселение. Теперь квартира арестанта и уголовника, профессора Вермонта, ваша.

— В высотке? На Котельнической набережной? — встал на одно колено полковник.

— Да, теперь я этих гадов... из-под земли!

— Не спешите под землю! — серьёзно воскликнул генерал. — Давайте разберёмся с теми, которые пока на земле! И хватит врагам советской власти в хоромы жировать, теперь есть достойные продолжатели революционных завоеваний Октября!

— Служу...

— Ехай, лишнее из квартиры мы заберём, тебе-ж не привыкать к спартанской обстановке! Мой шофёр тебя отвезёт...

— Слушаюсь, товарищ генерал...

...Новенький «ЗиС» мягко шурша шинами вёз счастливого, окрылённого человека к его мечте, о которой он и не мечтал! И полковник, гордо разбросав расстёгнутую шинель, закинув ногу за ногу, рассматривал на вытянутой руке ордер на квартиру!

— Сам генерал Баракарин вручил! — шептал он.

...Полковник Бык-Дубов, выйдя из шикарного «ЗиСа», громко хлопнул задней дверцей авто, чтобы слышали все, что приехал не простой человек, а вершитель многих судеб. Но у главного парадного подъезда четверо дворников метлами разгоняли огромные лужи.

— Засорился слив коллектора! — кричали они жильцам.

— Как жаль! — подумал полковник, направляясь к одному из двух запасных входов...
— Ничего, они ещё обо мне услышат! — прошептал он...

...Что-то мне не нравятся эти кальсоны! — прошептал Семён, достав из бокового кармана ром «Негро», сделав огромный бульк из бутылки. — Фу, гадость!

— Семён, хорош, держи конец! — взвился Михаил, скользя нетвёрдыми ногами по блестящему паркету.

Но тут в комнату вбежала разъярённая фурия из Малого театра и, увидя плывущие лица на шатких ногах, вскричала:

— Я гляжу... вы долго не протянете! — и выскочила на балкон.

— Да уж подольше, чем ты! — возмутился Сеня, ехидно скаля зубы, начав шататься, еле удерживая натянутый трос. — Брат, коллега! Ради всего невыпитого, держись! — с мольбой в голосе шепнул Миха, перебирая потрескивающие по швам кальсоны немеющими пальцами.

А тем временем Дуся-Шкаф пристальным взглядом оценила обстановку и расстояние до борта стоявшего чуть в сторонке грузовика. Ей почему-то бросилось в глаза, как вышедший из новенького «ЗиСа» невысокий полковник, старательно отряхнув полог шинели, поправив фуражку, направился к заднему входу в дом, чуть обходя лужу и сидевшего на её краю ворона, что-то клевавшего на асфальте.

— Вот чёртова птица! — шепнула она и громко крикнула:

— Мужики...! — Давай!..

...И как впоследствии сетовал Михаил следователю:

— Согласен... с «роялью» накладочка вышла! — А эта-то дура сама виновата, в кальсоны вцепилась... Хотела удержать...

...Муза Фёдоровна рыбкой полетела вниз и непонятно каким образом первая приземлилась в кузов грузовика, повредив лишь одну доску. — А вот рояль... Спланировав, накрыл жильца из 13-й квартиры... — Гляди-кося, живой, слава Богу! — и Михаил проводил в небо ворона, чудесным образом выпорхнувшего из-под обломков пианино фирмы «Беккер».

— Убили, убили! — раздались крики на улице, и Семён с Михаилом, смотря с балкона и увидя восстающую Музу, закричали прохожим:

— Дык, живая, живая она!..

...Следствие, протоколы, допросы...

— Да уж! — возмущался генерал Баракарин. — Боевого офицера потеряли! Стойкого, крепкого, несгибаемого!

Выдохнув, генерал заскрежетал зубами и, наклонившись к уху Семёна, прошипел:

— А что связывает тебя, скотская рожа, с сектой «Волхвы» и этим Вермонтом? — и с дикой силой ударил его кулаком сверху по голове.

Отягощённый недельными побоями и ночными допросами, Семён уже не отличал удар в скулу от пинка, ибо в мозгах всё смешалось: вермут, штуцер, «Беккер»...

— Вермут люблю и уважаю! Хоть убейте, но я с ним вырос!..

— Да у них банда! — Товарищи судьи, банда с детства! — восклицал генерал на судебном заседании.

Судья, ёрзая на дерматиновом стуле, то и дело поправляя то брюки, то пиджак от купленного накануне костюма-тройки от ткацкой фабрики «Путь Ильича», вскочив с покрасневшими глазами, выкрикнул в пустой зал:

— К высшей мере наказания! — и хлопнул ладонью по столу, проклиная брюки, постоянно зажимающиеся между огромных ягодиц...

*«Когда светоч духа угасает,
то плоть, требуя возделений,
и чудес не слушает разума!»*

/Раскающаяся бабушка/

ГЛАВА 6.

~ ПИРОЖОК ДЛЯ ВОРОБУШКА ~

196... год

...Мелкие капли осеннего дождя барабанили по желтеющей одежде деревьев, сбивая отцветшие листья, скрюченные холодным октябрём, как и спины сгорбленных стариков, шаркающей походкой идущих в ближайшие поликлиники, отхаркивающие бронхиальным сипом курящую молодость, опустив взгляды в грязные, промозглые лужи под заунывный вой ветра и вновь хлынувшего дождя...

Но Ленинградская осень не была только серой: встречались красные, жёлтые и синие зонтики, которые семенили по улицам и аллеям, укрывая своих владельцев от надоедливой серого уныния.

Но если сощурить взгляд и включить совсем немножко воображения, то зонтики станут подобны радужным грибочкам на тонюсеньких ножках. А в летнем лесу, как прозвали их сыроежками, они радуют глаз! И люди в добром умилении своём прозвали их сыроежками. Как будто их действительно едят сырыми, откусывая на корню и хрустя, подобно свежим огурцам!..

А сейчас владельцы зонтиков, несущие по мокрым тротуарам разноцветные «грибочки», казалось, все верили и осознали это поверье, ибо с улыбкой, смеясь, складывали зонтики, потрясая ими перед входом в метро, и казалось, словно грибы поедали все разом, оставляя мир вокруг в мокро-серых тонах!

И никто уж не замечал, как бедняга мокрый воробушек, весь дрожа, взъерошив своё оперение, прятался где-то под водяным стоком оцинкованной жестяной трубы, которая собирала дождевые потоки с крыш! И когда дождь ослабевал, то воробушек, осмелев, выпрыгивал из своего укрытия, начиная клевать сильно размокший объедок пирожка, надкусанный и брошенный чьей-то брезгливой рукой. Но вдруг, в мгновение, дождь усилился, но воробушек, тряхнув всем телом и выпятив грудь в бесстрашии, начал настойчиво бить клювом по раскисшему и чуть таящему в воде тесту, стараясь поскорее утолить острый голод на холодном и мокром ветру, но заслышав приближающиеся шаги, резво спрятался в своё убежище...

— Слава, а чё ты там химичишь? — спросил санитар Ананий своего коллегу по санитарной службе в спецблоке для больных с нестабильной психикой, пристально вглядываясь в копошение друга с медицинскими колбами.

— Что я делаю? Здоровье, брат, надо поправить! — и поманил коллегу к себе. — Бабушка у меня померла, заодно помянем! Иди ко мне ближе, смотри в окно!

— А что там смотреть? Дождь, лужи, асфальт и почти дохлого воробья-заморыша, клюющего размокший пирожок с повидлом за пять копеек, и что?

Но, увидев протянутую руку с тридцатиграммовой колбочкой, наполненной прозрачно-рубиновой жидкостью, от которой просто веяло таинственностью, Ананий замер.

— Вкуси, брат, бабушкино причастие, домашнее! — загадочно прошептал Славик и спустя пару минут добавил: — Ну а теперь? — и Слава вновь указал на окно.

— Вот это да! — засиял восторженный Ананий. — О, эти зонтики! — и Ананий от восторга зажал рот ладонями. Слава тоже не выдержал и после «колбочки» взглянул в окно, а там зонтики, подобно цветному перламутру морского жемчуга, кидали свой отсвет на счастливые лица людей! И уже не воробей, а золочённая светом солнца канареечка вкушала домашний бабушкин пирог.

— Твоя бабушка что, была волшебницей? Или феей? — удивлённо прошептал Ананий.

— Я всегда говорил: домашнее лучше магазинного, ибо в магазинном есть равнодушие и лень, а в домашнем есть душа хозяйки, дух бабушки, а бабушка у меня — ведьма! — выкрикнул Славик под испуганный вскрик Анания.

— Слава, брат, что ж ты такое про родного человека говоришь?

— А что ты хочешь, Ананий? Мы её три раза хоронили! Ты можешь себе такое представить? Царство ей небесное! А какие настойки творила! — и Славик утёр с носа мутную слезу...

...Неделю назад, справляя 80-летний юбилей Аглаи Платоновны Гмыза, виновница торжества под вечер всё пыталась залезть на стол и, как в молодости, сплясать барыню, когда-то она покорила своего будущего мужа, удалого молодца и баяниста Якова Гмызу! Но это уже совсем другая история.

Уже ближе к позднему вечеру Аглая в очередной раз сделала очередную попытку попасть на стол и, получив строгий отказ, достала спрятанную двадцатилитровую бутылку своего 60° зелья, выпив напёрсток, ушла в... неизвестность! Её обнаружили лишь под утро, за три квартала от дома, мёртвую, в новой телогрейке и затоптанных кирзовых сапогах. Куда направлялась Аглая Платоновна, обиженная на весь мир и в таком одеянии, так и осталось загадкой.

И пока гости не разъехались, решили бабушку похоронить и справить поминки. Так как квартира была однокомнатная, один стол выделили для бабушки и поставили гроб у окна.

— Вот и попала Аглая Платоновна на стол! — шутили гости, чокаясь на брудершафт, поминая бабушку её же настойкой. На утро, как полагается, отпели, помянули и поехали, похоронили на кладбище! Всё!

Но, возвращаясь домой на поминки, их встретил заплаканный могильщик и замдиректора кладбища. Оказалось, что Аглаю Платоновну похоронили не в ту могилу и не на том участке.

— Ладно! — сказали все, развернули автобус-гробовоз и поехали на кладбище. Приехали, откопали, решили помянуть и проститься. Открыли гроб — бабки нет, лежит дед с бородой. Пока искали бабку, забыли, откуда выкопали деда, закопали на угад.

Прибежал милиционер со свистком и директором кладбища, сказали, что мы хороним не свои гробы. Начали искать свои — оказалось, что мы вообще не на то кладбище приехали! Плюнули на всё, решили оставить всё как есть и поехали домой... помянуть!

— Не томи, Славик, покороче, меня и так трясёт! Где бабушка, нашли? — вскричал Ананий.

— Оказалось, её на столе дома забыли!

— Ну... потом-то похоронили? — не унимался Ананий.

— Нет! Сожгли! — и потом, подумав, добавил: — В крематории.

— Вы там что, все с ума посходили? А, Славик?..

Важные, большие чёрные машины — «ЗИЛ» и «Чайка» — заезжали на территорию знаменитой психиатрической больницы «Зелёная пряжка». Сегодня планировались выступления светил психиатрии в актовом зале нового здания, а также неожиданно навестили конференцию и товарищи из «Смольного».

Особо ненадёжные пациенты получили двойную, а некоторые и тройную дозу успокоительного, и санитары, идя по коридору спецблока, удивлялись гробовой тишине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.